

Юридическое образование и наука

№ 2 / 2021

ISSN 1813-1190

9 771813 119777 >

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

№ 2 2021

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ.

Зарегистрировано в Госкомпечати. Рег. ПИ № ФС77-29362 от 23 августа 2007 г.

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

Тараканова Н.Г. Проблемы развития
юридического образования в России
во второй половине XIX — начале XX века..... 3

Шахназаров Б.А. Трансформация
юридического образования в условиях
цифровизации, развития информационных
технологий и LegalTech-проектов..... 8

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Литвинова Т.А. Потребительский аспект
образовательных правоотношений..... 12

ДИСКУССИОННАЯ

АНТИКРИМИНАЛЬНАЯ ТРИБУНА

Кучин О.С., Кучина Я.О. Дефиниция
«цифровая криминалистика» как начало
ложного направления в науке. Часть 1..... 20

Люттов В.А. К вопросу о социально-правовой
обусловленности уголовно-правового
противодействия преступлениям,
совершаемым с использованием электронных
технологий, в России и Китае..... 30

Старостенко О.А. Новые способы
мошеннических действий в период пандемии
COVID-19 и их классификация 36

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Цареградская Ю.К. К вопросу о понимании
цифровых финансовых активов 40

Перевод аннотаций..... 45

Требования к авторам журнала «Юридическое
образование и наука» по оформлению
научных статей 48

ISSUES OF LEGAL EDUCATION AND SCIENCE

Tarakanova N.G. Problems of the Development
of Legal Education in Russia in the Second
Half of the XIX to the Early XX Century 3

Shakhnazarov B.A. Transformation
of Legal Education in the Conditions
of Digitalization, Information Technology
and LegalTech Projects Development..... 8

EDUCATIONAL POLICY

Litvinova T.A. The Consumer Aspect
of Educational Legal Relationships 12

ANTI-CRIME DISCUSSION TRIBUNE

Kuchin O.S., Kuchina Ya.O. The Definition
of Digital Criminalistics as the Origin
of a Misleading Direction in Science. Part 1..... 20

Lyutov V.A. On the Socio-Legal Conditionality
of Criminal Combating of Crimes Involving
the Use of Electronic Technologies in Russia
and China 30

Starostenko O.A. New Methods
and Classification of Fraudulent Actions
during the COVID-19 Pandemic 36

LEGAL RESEARCH DISCUSSION TRIBUNE

Tsaregradskaya Yu.K. On Understanding
of Digital Financial Assets 40

Translation of annotations..... 45

Requirements for the authors of the Legal
Education and Science journal for formatting
of scientific articles 48

Плата с авторов за публикацию
статей не взимается.

Центр редакционной подписки:
Тел./факс: (495) 617-18-88.

Адрес редакции / издателя:
115035, Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55,
стр. 7.
Тел./факс: (495) 953-91-08.
E-mail: avtor@lawinfo.ru

Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая
группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37.

Формат 60x90/8. Печать офсетная.
Физ. печ. л. 6,0.
Усл. печ. л. 6,0.
Общий тираж 2000 экз.

Полная или частичная
перепечатка материалов
без письменного разрешения
редакции преследуется по закону.

Подписка по России:
Объединенный каталог
«Пресса России» — 91852.
ISSN 1813-1190

Подписано в печать 11.02.2021.
Номер вышел в свет 18.02.2021.

Authors shall not pay for publication
of their articles.

Editorial Subscription Centre:
Тел./факс: (495) 617-18-88.

Address publishers / editors:
Bldg. 7, 26/55,
Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.
Тел./факс: (495) 953-91-08.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Printed by National Polygraphic
Group Ltd.
Bldg. 2, street Svetlaya,
Kaluga, 248031.
Тел.: (4842) 70-03-37.

Size 60x90/8. Offset printing.
Printers sheet 6,0.
Conventional printing sheet 6,0.
Circulation 2000 copies.

Complete or partial reproduction
of materials without written permission
of the editorial office shall be prosecuted
in accordance with law.

Subscription in Russia:
Unified Catalogue. Russian Press —
91852.

ISSN 1813-1190
Signed for printing 11.02.2021.
Issue was published 18.02.2021.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

№ 2
2021

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ.
Зарегистрировано в Госкомпечати. Рег. ПИ № ФС77-29362 от 23 августа 2007 г.

Учредитель: Издательская группа «Юрист»

Редакционный совет:

Баранов В.М., доктор юридических наук, профессор,
Белов С.А., кандидат юридических наук, доцент,
Блажеев В.В., кандидат юридических наук, профессор,
Бублик В.А., доктор юридических наук, профессор,
Голиченков А.К., член-корреспондент РАО, доктор
юридических наук, профессор,
Первалов В.Д., доктор юридических наук, профессор,
Калиниченко И.А., кандидат педагогических наук,
профессор,
Капустин А.Я., доктор юридических наук, профессор,
Кропачев Н.М., доктор юридических наук, профессор,
Курилов В.И., доктор юридических наук, профессор,
Лаптев В.В., доктор педагогических наук, кандидат
физико-математических наук, академик РАО, профессор,
Писарева С.А., доктор педагогических наук,
член-корреспондент РАО, профессор,
Суоров С.Б., доктор социологических наук, профессор,
Тряпицына А.П., доктор педагогических наук, профессор,
Шевелева Н.А., доктор юридических наук, профессор,
Шишко И.В., доктор юридических наук, профессор

Главные редакторы журнала:

Антонян Е.А., доктор юридических наук, профессор,
Цареградская Ю.К., доктор юридических наук, доцент

Почетный научный редактор журнала:

Мацкевич И.М., доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала:

Шенгелия Г.А., кандидат юридических наук

Рецензенты журнала:

Антонян Е.А., Баранов В.М., Барков А.В., Дикарев И.С.,
Дробышевский С.А., Ильин А.В., Кabanова И.Е.,
Лаптев В.В., Мацкевич И.М., Нарутто С.В., Петров М.П.,
Писарева С.А., Россинский С.Б., Салыгин Е.Н.,
Смирнов Д.А., Субботин В.Н., Тряпицына А.П.,
Цареградская Ю.К., Шевелева Н.А., Шенгелия Г.А.,
Шишко И.В., Шугрина Е.С., Щепельков В.Ф.

Главный редактор ИГ «Юрист»:

Гриб В.В., член-корреспондент РАО, заслуженный
юрист РФ, доктор юридических наук, профессор

Заместители главного редактора

ИГ «Юрист»:

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н., Платонова О.Ф.,
Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Журнал рекомендуется Высшей аттестационной
комиссией при Министерстве науки и высшего
образования Российской Федерации для публикаций
основных результатов диссертаций на соискание
ученых степеней кандидата и доктора наук по научным
специальностям: 12.00.01; 12.00.02; 12.00.08; 13.00.01;
13.00.02.

Founder: Jurist Publishing Group

Editorial Board:

Baranov V.M., LL.D., professor,
Belov S.A., PhD (Law), associate professor,
Blazheev V.V., PhD (Law), professor,
Bublik V.A., LL.D., professor,
Golichenkov A.K., corresponding member of the RAE,
LL.D., professor,
Perevalov V.D., LL.D., professor,
Kalinichenko I.A., PhD in Pedagogy, professor,
Kapustin A.Ya., LL.D., professor,
Kropachev N.M., LL.D., professor,
Kurilov V.I., LL.D., professor,
Laptev V.V., Doctor of Pedagogy, PhD in Physico-
Mathematical Sciences, RAE Academician, professor,
Pisareva S.A., Doctor of Pedagogy, corresponding member
of the RAE, professor,
Surovov S.B., Doctor of Sociology, professor,
Tryapitsyna A.P., Doctor of Pedagogy, professor,
Sheveleva N.A., LL.D., professor,
Shishko I.V., LL.D., professor

Editors in Chief:

Antonyan E.A., LL.D., professor,
Tsaregradskaya Yu.K., LL.D., associate professor

Honorary Scientific Editor of the Journal:

Matskevich I.M., LL.D., professor

Executive Editor of the Journal:

Shengelia G.A., PhD in Law

Reviewers of the Journal:

Antonyan E.A., Baranov V.M., Barkov A.V., Dikarev I.S.,
Drobyshevsky S.A., Ilyin A.V., Kabanova I.E.,
Laptev V.V., Matskevich I.M., Narutto S.V., Petrov M.P.,
Pisareva S.A., Rossinskiy S.B., Salygin E.N., Smirnov D.A.,
Subbotin V.N., Tryapitsyna A.P., Tsaregradskaya Yu.K.,
Sheveleva N.A., Shengelia G.A., Shishko I.V.,
Shugrina E.S., Shchepelkov V.F.

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., corresponding member of the RAE, Honored
Lawyer of the RF, LL.D., professor

Deputy Editors in Chief of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E.N.,
Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Recommended by the Higher Attestation
Commission under the Ministry of Science
and Higher Education of the Russian Federation
for publications of results of doctoral
and PhD theses in scientific specialties: 12.00.01;
12.00.02; 12.00.08; 13.00.01; 13.00.02.

Проблемы развития юридического образования в России во второй половине XIX — начале XX века

Тараканова Наталья Геннадьевна,

доцент кафедры теории и истории государства и права

Саранского кооперативного института Российского университета кооперации,

кандидат исторических наук, доцент

ngtarakanova@mail.ru

Цель. Беспечное историческое наследие, которое нам оставил XIX в., в том числе в сфере развития юридической науки и образования, требует всестороннего, глубокого осмысления. Важно проследить тенденции развития юридического образования и учесть опыт решения проблем, с которыми столкнулась пореформенная Россия при выборе методов и подходов к высшему юридическому образованию, рассмотреть мнения современников о качестве подготовки юридических кадров. **Методология:** использовались методы диалектической логики, историко-правового, историко-динамического и причинно-следственного анализа. **Выводы.** Серьезным стимулом для повышения престижа юридического образования стало введение образовательного ценза при получении должностей в новой судебной системе. Вместе с тем потребовался поиск оптимальной модели подготовки юридических кадров, способных реализовать принципы, провозглашенные судебной реформой, на практике. Предпринимались попытки найти баланс между получением фундаментальных теоретических знаний и получением практических юридических навыков. **Научная и практическая значимость.** Перед современными вузами, занимающимися подготовкой юристов, стоят проблемы, во многом созвучные тем, с которыми столкнулась Россия во второй половине XIX — начале XX в. Это прежде всего касается качества подготовки юридических кадров, формирования компетенций, направленных на развитие правового мышления, готовности к самостоятельному принятию законных решений. В этой связи опыт прошлого может подсказать правильные подходы при выборе современных стандартов и моделей преподавания.

Ключевые слова: юридическое образование, наука, студент, судебная реформа, университетский устав, кафедра, лекция, практическое занятие, методика преподавания, профессиональные навыки.

Проведение крупномасштабных реформ, которыми был ознаменован XIX в., развитие и расширение сферы государственного регулирования, повышение интенсивности работы государственного механизма потребовали совершенствования и систематизации отечественного законодательства, специализации управленческой деятельности. В этой связи растет потребность в повышении образовательного уровня российских чиновников, получении ими специальной теоретической и практической подготовки в определенных сферах государственной деятельности. В меняющихся реалиях сугубо практическая, прикладная по своему характеру юриспруденция не могла обеспечить задачи преодоления растущей разрозненности законодательства, создания стройной системы правовых институтов и отраслей. Назрела необходимость расширения круга юридически образованных лиц, имеющих фундаментальные знания в различных областях права. Развитию юридического образования во многом способствовало открытие в начале XIX в. новых учебных заведений: Демидовского лицея (в 1874 г. переименованного в Юридический лицей), Харьковского и Казанского университетов. Но образование, которое давали университеты, носило в этот период обобщенный и фи-

лософский характер. Изучение права еще не получило самостоятельного значения и растворялось в комплексе общетеоретических дисциплин. По университетскому Уставу 1804 г. преподавание права велось на факультетах нравственных и политических наук и зачастую приглашенными из Германии профессорами.

Для повышения престижа юридического образования среди дворян, не желающих учиться вместе с разночинцами в университетах, была создана в 1835 г. элитная юридическая школа — Училище правоведения. Один из инициаторов открытия данного учебного заведения М.М. Сперанский утверждал: чтобы улучшить работу судебных учреждений необходимо создать слой образованных дворян, получивших хорошее образование в области бюрократического делопроизводства.

Уже в середине XIX в. при назначении на должность в ведомство юстиции профессиональная подготовка получала все больший перевес над социальным статусом. Несомненно, все эти усилия правительства по повышению престижа юридического образования дали свои плоды: появились профессионалы, способные не только удачно осуществить систематизацию отечественного законодательства,

но и подготовить и успешно провести одну из самых прогрессивных судебных реформ в России.

Несомненно, самым весомым стимулом к развитию юридического образования стала подготовка и реализация Судебной реформы 1864 г., которая привела к специализации и профессионализации юридической деятельности. Сам порядок подготовки судебной реформы существенно отличался от всех предшествующих преобразований. Была сделана ставка на широкое привлечение общественности к обсуждению принципов и положений судебной реформы, что «заключало в себе прямой призыв к деятельности и ответственной работе представителей юридического знания»¹. Впервые за много лет власть при разработке законоположений обратилась за содействием к представителям юридической мысли, что не могло не повлиять на повышение престижа юридических знаний. Достаточно вспомнить, что и сами разработчики судебной реформы — Н.А. Буцковский, Н.И. Стояновский, К.П. Победоносцев, П.Н. Даневский были не представителями бюрократии, а молодыми юристами, вооруженными научными знаниями.

Дальнейший рост популярности юридического образования был связан с претворением в жизнь положений Судебных уставов 1864 г. Сделав решительный шаг по отделению судебной власти от административной и провозглашению верховенства права над диктатурой воли, реформаторы выработали общие принципы организации и деятельности судебной системы: самостоятельность следствия и независимость судебной власти; равенство всех перед законом и судом; право подсудимого на профессиональную защиту, устность, гласность и состязательность судебного процесса и др. Реализация этих принципов потребовала создания обособленной сферы судебных институтов, представляющих слаженный механизм обеспечения и осуществления независимого правосудия. Свой особый профессиональный статус в системе юстиции приобретали следственный аппарат, прокуратура, магистратура, адвокатура, нотариат, судебные исполнители.

Стало очевидным, что для повышения качества юридической деятельности необходимы были специалисты, получившие соответствующее высшее образование. С этой целью был введен образовательный ценз для кандидатов на должности судей, адвокатов, прокуроров, следователей.

«Судебная служба, перестроенная на новых основаниях, стала представлять собой одну из заманчивых дорог, которая оттягивала к себе значительную часть вступающего в жизнь молодого поколе-

ния», — писал современник². Уже в годы подготовки судебной реформы наблюдался заметный рост желающих получить высшее юридическое образование. Так, в 1863 г. юристы в университетах составляли треть всего числа студентов, а к 1871 г. юридические факультеты собирают уже больше половины общего числа обучающихся в высшей школе³.

Государственные преобразования потребовали и соответствующих изменений системы преподавания в юридических вузах. Если в 40–50-е годы XIX в. целью университетского обучения считалось «раскрытие исторических оснований положительного права» и теоретическое образование обогащало студентов в основном «опытом прошедших времен»⁴, то в пореформенный период наметился поворот к изучению состояния и развития современного отечественного законодательства. До 1860-х годов обсуждение действующего законодательства оставалось под строгим запретом. Известен случай, когда за несколько лет до судебной реформы цензор задержал курс Н.И. Стояновского «Практическое руководство по русскому уголовному судопроизводству» только за то, что автор не ограничился пересказом законов, а прибавил «от себя» несколько соображений⁵.

Но требования времени диктовали иные подходы. Если раньше студент, поступая на юридический факультет, ничуть не задумывался о характере своей будущей профессиональной деятельности, потому что диплом не давал ему надежды на успех по службе в какой-либо определенной сфере, и он не думал о том, как сможет применить полученные знания в дальнейшем, то теперь горизонты его деятельности были вполне определены, и ему требовалось более широкое и основательное знакомство с институтами современного права. Как писал Г.Ф. Шершеневич, «приготовить этих молодых людей к судебной деятельности, дать им основательное знакомство с действующим законодательством — такова была задача, открывшаяся для университетской науки»⁶. Преподавание юриспруденции в университетах было расширено. Университетский Устав 1863 г. ввел новые кафедры на юридических факультетах, усилив значение теоретических курсов, что вызвало жалобы на то, что юридические факультеты дают слишком много теории и мало уделяют внимания знаниям «положительного законодательства»⁷.

² Там же. С. 358.

³ Ренненкампф Н. Судьбы привилегированных и непривилегированных юристов // Журнал гражданского и уголовного права. 1881. Кн. 1. С. 67–98.

⁴ Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. СПб., 1876. С. 2–3.

⁵ Тельберг Г. Указ. соч. С. 373.

⁶ Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России. Казань, 1893. С. 79–80.

⁷ Берендтс Э.Н. Связь судебной реформы с другими реформами императора Александра II и влияние ее на государственный и общественный быт России. Пг., 1915. С. 29.

¹ Тельберг Г. Влияние Судебной реформы на науку права // Судебная реформа / под ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского. М., 1915. С. 355.

С 1860-х годов начинается оживление как чисто юридических, так и юридико-политических наук, и отечественная юридическая литература, отзываясь на потребности времени, обогащается исследованиями по всем юридическим дисциплинам, быстро развивается юридическая периодика.

Эти веяния не могли не отразиться на учебной литературе: исторические курсы уступили место первым попыткам комментировать действующее законодательство.

Изменившийся интерес университетского преподавания был учтен университетским Уставом 1884 г., согласно которому из трех кафедр истории права, введенных в 1863 г. под влиянием господства исторического направления, две были упразднены (истории иностранного права и истории законодательств славянских), тем самым специальный исторический элемент остался только в лице кафедры истории русского права. В пореформенные годы оживляется также интерес к переводу иностранных исследований, посвященных преимущественно западноевропейскому положительному праву, а также текстов действующих европейских законов.

Достаточно остро, особенно в конце XIX — начале XX в. ставится вопрос о методике преподавания юридических дисциплин. Большинство специалистов высказывалось за более широкую и научную постановку преподавания права. Так, профессор Новороссийского университета П.Е. Казанский считал, что «чисто лекционное преподавание более не отвечает требованиям времени, научные занятия студентов должны быть сделаны более активными, более интенсивными, более целесообразными. В основание университетских занятий правом должна быть положена самодеятельность слушателей, их самостоятельный труд»⁸. Для стимулирования познавательной активности при учебных заведениях открываются специализированные студенческие библиотеки и кабинеты, организуются студенческие общества и кружки по государственному и правоведению. По юридическим предметам устраивались научные споры (диспутатории), научные собеседования (конверсатории)⁹.

Профессор Н.Х. Бунге в статье «Об устройстве учебной части в наших университетах», опубликованной еще в 1858 г., предлагал в университетах разделить науки в «строгом смысле юридические от наук государственных и создать два факультета: факультет государственных или общественных наук и факультет юридический». Последний предлагалось разделить на общий курс и два специальных, один гражданского, а другой уголовного права. Студенты

должны были по возможности участвовать в практических занятиях, которые могли состоять как в анализе уже решенных дел, так и в ознакомлении с текущей работой судебных мест. При этом он отмечал, что «практика должна быть не механическим навыком, а средством для целей ученых и применения знания к делу»¹⁰.

Высказывались также радикальные предложения совсем отказаться от чтения лекций и полностью заменить их практическими занятиями. Однако подобный подход встретил вполне справедливые возражения. Как писал профессор Императорского Варшавского университета В.В. Есипов, «практические занятия по историческим, политическим и юридическим наукам никогда не смогут устранить лекций». Отмечая важность прогресса в методике преподавания, автор считал пагубными искусственную ломку и случайное новаторство. Практическим занятиям, по его мнению, следует отвести место, равное с лекциями, и разделить их на три типа: занятия специально-ученого или семинарского характера, занятия канцелярского характера и занятия научно-практические в узком смысле¹¹. При этом последние, по мнению профессора, могут проводиться в разнообразных формах, как то комментирование источников права, проведение диспутов, решение практических задач.

Министр юстиции также в одном из своих писем обращает внимание на проблему недостаточного уровня общегуманитарной подготовки юристов: «Недостаток такого общего образования, бесспорно, крайне чувствителен в области судебной деятельности, по самой сущности своей представляющей в высшей степени разнохарактерную и затрагивающую самые разнообразные стороны современной жизни»¹². В изменившихся социально-политических, экономических и культурных условиях юристу-практику, сталкивающемуся в своей деятельности с разнообразными проявлениями общественной жизни, следует обладать более глубокими и всесторонними знаниями, позволяющими правильно и объективно оценить и разрешить каждый возникший конфликт.

В этой связи, как справедливо отмечал российский юрист и публицист профессор Московского и Юрьевского университетов В.Ф. Дерюжинский, меры по совершенствованию юридического образования не должны сводиться лишь к увеличению практических занятий в их «односторонней утилитарной форме, склонной принять характер бесполезной игры на практику», а должны быть направлены

⁸ Казанский П.Е. Возрождение изучения права в русских университетах. Одесса, 1903. С. 4.

⁹ Есипов В.В. О преподавании права. Варшава, 9001. С. 6.

¹⁰ Берендтс Э.Н. Указ. соч. С. 30.

¹¹ Там же. С. 29–30.

¹² Дерюжинский В.Ф. Судебные деятели об университетской подготовке молодых юристов // Журнал Министерства юстиции. 9002. № 7. С. 236.

на получение выпускниками-юристами обширных познаний из области общественно-политических и юридических наук, на формирование научного мировоззрения и юридического мышления, способности сознательно и ответственно принимать решения в интересах общества, с тем чтобы служить оплотом законности и правопорядка.

Заметный рост числа студентов, желающих получить юридическое образование, который наблюдался с начала 1880-х годов, поставил еще одну проблему перед юридическими факультетами: из-за наплыва обучающихся более близкое влияние профессоров на слушателей снижалось, как и затруднялись возможности организации практических занятий.

Все чаще из судебных мест, в частности от председателей судебных палат, стала поступать критика на качество подготовки молодых специалистов, поступающих на службу. Отмечалось, что они показывают не только слабые знания отечественного законодательства, но даже не владеют в достаточной мере русской грамматикой. Указывалось, что выпускники, окончившие университетский курс, «не только не имеют никаких практических сведений в области права, чего от них до сего времени никто из нас и не требовал, но являются неподготовленными теоретически, непривычными к юридическому мышлению, не умеющими излагать ни устно, ни письменно свои мысли...»¹³

Авторы Судебных уставов, предвидя проблемы, с которыми могут столкнуться высшие учебные заведения при подготовке профессиональных юристов, и считая, что для будущих судебных деятелей теоретических и практических знаний, приобретенных на студенческой скамье, будет недостаточно, предусмотрели создание института кандидатов на судебные должности. Выпускники вузов, прежде чем получить должность по судебному ведомству, должны были под руководством опытных наставников — судей приобрести дополнительные практические знания, развить навыки юридического мышления на основе «сведений, почерпнутых из живых картин гражданского и уголовного процесса». Они должны были осознать, что судья до конца своего поприща «должен учиться и учить других правде и законности»¹⁴. Следует признать, что не сразу и не повсеместно институт кандидатов на судебные должности стал осуществлять возложенную на него миссию. Большой вклад в его организацию внес Н.В. Муравьев, который издал специальный труд «Кандидаты на судебные должности. Вопрос судоустройства и судебной политики», во многом благодаря которому занятия кандидатов были упорядочены и приобрели целенаправленный характер. Окружные суды пере-

стали ограничиваться только служебными занятиями кандидатов, но и организовывали внештатные школы юридической подготовки. Интересен в этой связи опыт Пензенского окружного суда, в котором с 1900 г. стали проводиться для кандидатов на судебные должности юридические собеседования. Были разработаны специальные «Условия проведения юридических собеседований», в которых были прописаны порядок, формы их организации, а также цели. Как отмечалось в Условиях, «учреждаемые собеседования имеют своей целью не столько пополнение знания самих законов, сколько ознакомление кандидатов с приемами судебной практики в применении законов на основании всестороннего их толкования и усвоения самых правильных путей юридического мышления»¹⁵. Причем главной целью подготовки было формирование у кандидатов самостоятельного юридического мышления, обоснованных и аргументированных суждений, не стесненных формальными рамками авторитетных мнений, в том числе высших судебных инстанций.

Данная практика распространялась и в других судебных учреждениях, например, в 1897 г. при Симбирском окружном суде была организована нештатная школа подготовки кандидатов, где молодые юристы под руководством опытных судей учились высказывать свое обоснованное мнение по практическому применению статей гражданского и уголовного законодательства, опираясь на труды известных правоведов.

Таким образом, при подготовке кадрового резерва делалась ставка на осознание молодыми юристами своей профессионально-культурной идентичности, особой гражданской миссии.

Проблемы, с которыми столкнулись юридические вузы в конце XIX — начале XX в., вполне созвучны нашему времени. Также высказывается критика в адрес вузов на недостаточное качество подготовки выпускников юридических факультетов, ведутся поиски новых образовательных моделей, отвечающих общественным запросам и требованиям времени. А между тем перед современными юристами ставятся не менее сложные задачи, чем в прошлые столетия, новые вызовы времени: построение правового государства, развитие информационного общества, рост социальных конфликтов приводят к усложнению системы правовых знаний, предъявляя особые требования к профессиональной подготовке юристов.

В XIX — начале XX в. в сфере юридического образования были достигнуты немалые успехи. Усилиями как вузов, так и профессионального сообщества была возвращена целая плеяда замечательных

¹³ Дерюжинский В.Ф. Указ. соч. С. 235–236.

¹⁴ Берендтс Э.Н. Указ. соч. С. 33.

¹⁵ Условия юридических собеседований Председателя Пензенского Окружного Суда с кандидатами на судебные должности // ГАПО. Ф. 42/1. Д. 570. Л. 85.

юристов: судей, прокуроров, следователей, адвокатов. Судебные учреждения, прокуратура, адвокатура были подняты на небывалую до этого высоту, завоевав общественное доверие и авторитет.

Несомненно, опыт прошлого может подсказать правильный выбор подходов к совершенствованию высшего юридического образования в современной России.

Литература

1. Берендтс Э.Н. Связь судебной реформы с другими реформами императора Александра II и влияние ее на государственный и общественный быт России / Э.Н. Берендтс. Петроград : Сенатская тип., 1915. 202 с.
2. Дерюжинский В.Ф. Судебные деятели об университетской подготовке молодых юристов / В.Ф. Дерюжинский // Журнал Министерства юстиции. 1902. № 7. С. 219–236.
3. Есинов В.В. О преподавании права / В.В. Есинов. Варшава : тип. Варшавского учебного округа, 1901. 34 с.
4. Казанский П.Е. Возрождение изучения права в русских университетах / П.Е. Казанский. Одесса, 1903. 16 с.
5. Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. В 3 томах / К.И. Малышев. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург : тип. М. Стасюлевича, 1876. Т. 1. 444 с.
6. Ренненкампф Н. Судьбы привилегированных и непривилегированных юристов / Н. Ренненкампф // Журнал гражданского и уголовного права. 1881. Кн. 1. С. 67–98.
7. Тельберг Г. Влияние Судебной реформы на науку права / Г. Тельберг // Судебная реформа / под редакцией Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского ; при ближайшем участии М.Н. Гернета, А.Э. Вормса, Н.К. Муравьева и А.Н. Паренюго. Москва : Объединение, 2015. Т. 1. С. 354–380.
8. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. Т. 1. Изд. 4-е. Санкт-Петербург : Тип. т-ва «Общественная Польза», 1912. 579 с.
9. Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России / Г.Ф. Шершеневич. Казань : Тип. императорского ун-та, 1893. 243 с.

References

1. Berendts E.N. Svyaz sudebnoy reformy` s drugimi reformami imperatora Aleksandra II i vliyanie ee na gosudarstvenny`y i obschestvenny`y byt` Rossii [The Link Between the Judicial Reform and Other Reforms of Emperor Alexander II and Its Influence on the Russian State and Social Everyday Life] / E.N. Berendts. Petrograd : Senatskaya tip. — Petrograd : Senate printing office, 1915. 202 s.
2. Deryuzhinskiy V.F. Sudebny`e deyateli ob universitetskoy podgotovke molody`kh yuristov [Judicial Figures on University Training of Young Lawyers] / V.F. Deryuzhinskiy // Zhurnal Ministerstva yustitsii — Journal of the Ministry of Justice. 1902. № 7. S. 219–236.
3. Esipov V.V. O prepodavanii prava [On Teaching of Law] / V.V. Esipov. Varshava : tip. Varshavskogo uchebnogo okruga — Warsaw : printing office of the Warsaw educational district, 1901. 34 s.
4. Kazanskiy P.E. Vozrozhdenie izucheniya prava v russkikh universitetakh [Revival of Legal Studies in Russian Universities] / P.E. Kazanskiy. Odessa — Odessa, 1903. 16 s.
5. Malyshev K.I. Kurs grazhdanskogo sudoproizvodstva. V 3 tomakh [Course of Civil Proceedings. In 3 volumes] / K.I. Malyshev. 2-e izd., ispr. i dop. — 2nd edition, revised and enlarged. Sankt-Peterburg : tip. M. Stasyulevicha — Saint Petersburg : M. Stasyulevich's printing office, 1876. T. 1. 444 s.
6. Rennenkampf N. Sudby` privileirovanny`kh i nepriviligirovanny`kh yuristov [Fates of Privileged and Non-Privileged Lawyers] / N. Rennenkampf // Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnoego prava — Civil and Criminal Law Journal. 1881. Kn. 1. S. 67–98.
7. Telberg G. Vliyanie Sudebnoy reformy` na nauku prava [The Influence of the Judicial Reform on the Legal Science] / G. Telberg // Sudebnaya reforma / pod redaktsiey N.V. Davy`dova i N.N. Polyanskogo ; pri blizhayshem uchastii M.N. Gerneta, A.E. Vormsa, N.K. Muravyeva i A.N. Parenogo — Judicial Reform / edited by N.V. Davydov and N.N. Polyanskiy ; in close participation of M.N. Gernet, A.E. Vorms, N.K. Muravyev and A.N. Parenog. Moskva : Obyedinenie — Moscow : Association, 2015. T. 1. S. 354–380.
8. Foynitskiy I.Ya. Kurs ugolovnoego sudoproizvodstva [Course of Criminal Proceedings] / I.Ya. Foynitskiy. T. 1. 4-e izd. — Vol. 1. 4th edition. Sankt-Peterburg : Tip. t-va «Obschestvennaya Polza» — Saint Petersburg : printing office of the Common Good partnership, 1912. 579 s.
9. Shershenevich G.F. Nauka grazhdanskogo prava v Rossii [The Civil Law Science in Russia] / G.F. Shershenevich. Kazan : Tip. imperatorskogo un-ta — Kazan : printing office of the Imperial University, 1893. 243 s.

Трансформация юридического образования в условиях цифровизации, развития информационных технологий и LegalTech-проектов

Шахназаров Бениамин Александрович,

доцент кафедры международного частного права

Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

кандидат юридических наук, доцент

ben_raf@mail.ru

Цель статьи заключается в определении значения и направлений эффективного использования информационных технологий в развитии современного юридического образования. **Методология** исследования, предпринятого в настоящей статье, состоит в комплексном рассмотрении современных вызовов и проблем юридического образования в условиях цифровизации, широкого распространения информационных технологий и LegalTech-проектов на основе анализа, дедукции, формально-юридического и сравнительного метода. **Выводы.** В контексте необходимой трансформации юридического образования отмечается важное значение разработки, внедрения и развития передовых компьютерных обучающих систем, изменения способа обучения студентов (с применением систем дистанционного образования, интерактивных методик преподавания права, применением презентационных технологий, использованием междисциплинарных технологий, современных методик сравнительного правоведения, юридического перевода и т.д.), развития юридического клинического образования с использованием информационных технологий, обучения будущих юристов основам кодирования, междисциплинарного и межвузовского взаимодействия. Формирование навыков работы с технологией блокчейн, LegalTech-инструментов, контролируемого использования искусственного интеллекта в нормативно установленных пределах представляется основным направлением трансформации и совершенствования юридического образования в мире. **Научная и практическая значимость.** Проведенный анализ различных аспектов трансформации юридического образования в условиях цифровизации, развития информационных технологий и LegalTech-проектов призван помочь обучающимся, преподавателям, методистам в организации оптимальных образовательных процессов с использованием информационных технологий. Выводы об использовании информационных технологий в юридической практике, о реализации LegalTech-проектов могут быть использованы в практической деятельности юристов.

Ключевые слова: юридическое образование, информационные технологии, тенденции, LegalTech-проекты, кодирование, блокчейн, искусственный интеллект, юриспруденция, юристы, IT-специалисты.

Широкое распространение информационных технологий не оставило в стороне и сферу образования. Информационные технологии активно используются в сфере юриспруденции с учетом особого для нее значения информации: в процессе оказания юридических услуг (онлайн-консультации, сервисы по подготовке проектов документов, иные LegalTech-инструменты), в процессе судопроизводства (электронный документооборот в судах, деятельность интернет-судов, мобильных судов (в частности, с использованием мессенджеров) в Китае), при осуществлении законодательной и исполнительной деятельности органов государственной власти (например, электронный формат публичных слушаний через порталы правовой информации, опубликование федеральных конституционных законов, федеральных законов, международных договоров, вступивших в силу в Российской Федерации, и иных актов посредством размещения на официальном интернет-портале правовой информации¹). Проникновение таким образом информационных тех-

нологий в самые разные сферы юриспруденции свидетельствует и о необходимости трансформации юридического образования, в рамках которого крайне необходимо учитывать компетенции (знания, навыки, умения) в сфере информационных технологий, позволяющих полноценно и эффективно осуществлять любую возможную деятельность юриста.

Эффективное обучение и использование справочно-правовых систем, официальных порталов правовой информации, мобильных приложений, различных юридических сервисов (проверки информации, получения информации из открытых источников и ее анализа) представляется важнейшей образовательной основой деятельности современного юриста.

О необходимости развития юридического образования свидетельствует и тенденция принятия новейших нормативных правовых актов, которые ориентированы на отношения, реализуемые с использованием информационных технологий, инноваций, и требующих отдельного осмысления и особой подготовки

¹ См., например: ст. 9.1 Федерального закона от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных

законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» // СПС «КонсультантПлюс».

юристов, в частности Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (вступление в силу — 1 января 2021 г.); Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (вступление в силу — 28 января 2021 г.); Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ (ред. от 20.07.2020) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», которым в Гражданский кодекс РФ введено понятие цифровых прав (ст. 141.1), и др.

Отдельно стоит отметить развитие ряда областей технических знаний, где взаимодействие юристов и IT-специалистов (программистов, специалистов по информационным системам, системному администрированию) особо актуально, а наличие у специалиста двух высших образований в обозначенных областях делает его незаменимым в контексте современных вызовов цифрового общества. Речь идет, например, о блокчейн-технологиях (криптовалютах, ICO, смарт-контрактах). В обозначенном контексте формируется цифровая среда осуществления юридической деятельности, реализуемой с использованием специальных технологий — LegalTech: технологии, инструменты, механизмы, используемые при осуществлении юридической деятельности (оказание юридических услуг, оптимизация юридического бизнеса).

Проекты, созданные на основе смарт-контрактов, требуют сопровождения как профессионалов — программистов, отвечающих за создание и изменение кода, так и юристов, имеющих соответствующую квалификацию в той или иной юрисдикции, с тем чтобы обеспечить соответствие разработки и реализации смарт-контрактов действующему законодательству.

При этом стоит отметить, что уже сейчас на современном этапе развития юридического образования способность будущих юристов понимать программистов для эффективного применения и реализации современных информационных технологий (в частности, основанных на блокчейн-технологии смарт-контрактов) в юридической деятельности, освоив основы кодирования (программирования), как процесса составления программного кода, скриптов с целью реализации определенного алгоритма на определенном языке программирования, представляется возможным компонентом программ подготовки юристов.

Способность работать в междисциплинарном контексте приобретает гораздо большее значение для юристов, чем раньше. Важным представляется эффективное взаимодействие юристов не только с бухгалтерами и финансовыми консультантами, но и с ин-

женерами, дизайнерами, архитекторами и другими специалистами (в зависимости от характера проекта, сделки²). При этом взаимодействие с программистами с учетом наличия базовых представлений о кодировании под нужды конкретных правоотношений представляется ключевым направлением освоения междисциплинарных компетенций в процессе современной подготовки юристов.

В обозначенном контексте стоит отметить, что в мире уже существует большое количество престижных образовательных учреждений и интересных образовательных программ, направленных на изучение способов совмещения технологий, права и юридической практики. В качестве примеров соответствующих образовательных учреждений можно привести опыт российских и зарубежных юридических образовательных учреждений: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), предлагающий в рамках базовых программ подготовки юристов (бакалавриат, магистратура) обучение по учебным дисциплинам «Информационные технологии в юридической деятельности», «Электронный документооборот и электронные доказательства в уголовном, гражданском и арбитражном судопроизводстве», «Информационно-технологическое обеспечение юридической деятельности (legal tech)», «Информационное право (IT-LAW)» и др., а также реализующий программу повышения квалификации «LegalTech-директор»; Стэнфордский университет (США), создавший программу, известную как Stanford Cyber Initiative, которая действует как центр исследований в области технологии блокчейн, который помимо собственно образовательной деятельности создает и определяет новые области в вопросах государственной политики, касающихся смарт-контрактов и технологии блокчейн; Корнелл Тех (США) — одна из школ (постдипломного образования), осуществляющая программы по изучению смарт-контрактов, их значения для целей правоприменения с учетом законодательных требований; Нью-Йоркский университет (CIF), который уже с 2014 г. реализует учебную программу «Право, биткойн и иные криптовалюты»; Европейский Университет Мадрида (Испания), который реализует учебные программы по блокчейну и иные современным технологиям во взаимосвязи с юридическими и экономическими аспектами их функционирования; Швейцарская высшая техническая школа Цюриха реализует ежегодные программы, посвященные изучению смарт-контрактов во взаимосвязи с требованиями законодательства, и др.

При создании и реализации LegalTech-проектов прежде всего используются современные информационные технологии: программное обеспечение,

² См. об этом: Fenwick M., Kaal W.A., Vermeulen P.M.F. Legal Education in a Digital Age: Why 'Coding for Lawyers' Matters. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3227967 (дата обращения: 19.10.2020).

мобильные приложения, искусственный интеллект. При этом необходимо учитывать, что диджитализация юридических услуг позволяет расширять границы юридического бизнеса. Юридические сервисы становятся трансграничными.

Уже сейчас очевидна необходимость в большом разрастающемся юридическом комьюнити, нетворкинге (как например, International Legal Technology Association), которые могли бы разработать и повысить стандарты осуществления и качества юридической деятельности с использованием информационных технологий, что важно учитывать и при развитии юридического образования.

Базовые информационные технологии, используемые юристами и сводящиеся к подаче исковых заявлений в электронном виде, поиску информации о судебных делах, датах заседаний на сайте суда в сети «Интернет» и т.д., в современных условиях дополняются новейшими цифровыми подходами к использованию интернет-судов и мобильных приложений в судах (например, в КНР³), рассмотрению дел при использовании искусственного интеллекта (например, в Эстонии⁴). Не вызывает сомнений то обстоятельство, что использование информационных технологий, включая искусственный интеллект, в любом случае оперируется, контролируется специалистом.

Становится очевидным, что информационные технологии, прежде всего облегчая и оптимизируя повсеместный доступ к информации, являются эффективным неотъемлемым инструментом деятельности современного юриста, повышают уровень доступности юридических услуг, правовой грамотности в обществе, способствуют уважению правовых институтов, популяризируют правозащитную деятельность. В этих условиях происходит трансформация юридического образования, когда освоение общих и специальных информационных технологий должно включаться в необходимые компетенции современного юриста. Выпускники-юристы, осуществляющие регулярную юридическую практику в судах, также получают выгоду от технической грамотности, поскольку смогут предоставлять своим клиентам более качественные услуги, снизить свои затраты с использованием информационных технологий, привлечь большее количество клиентов за счет использования глобального и дистанционного характера информационных технологий (в частности, сети «Интернет»),

³ В КНР действуют интернет-суды, которые могут рассматривать и трансграничные споры, например Интернет-суд Ханчжоу, Пекинский интернет-суд, Интернет-суд Гуанчжоу. Кроме того, функционирует судебная платформа «мобильный суд», в рамках которой реализована возможность осуществления процессуальных действий через мобильное приложение.

⁴ В Эстонии в 2019 г. была принята государственная программа, предусматривающая применение искусственного интеллекта для целей синхронного перевода во время заседаний, а также введение «электронных судей» для вынесения судебных приговоров по делам с имущественными требованиями на сумму не более 7 тыс. евро.

оптимизировать использование затраченного на профессиональную деятельность времени в том числе путем использования специальных программ и приложений тайм-менеджмента, учета времени, создавая облачные системы управления юридической практикой (например, A2.Тайм). Информационные технологии, таким образом, создают новую парадигму и юридического образования, и юридической деятельности, прежде всего трансформируя правоприменительную практику.

В обозначенном контексте особый интерес представляет такой вектор цифровой трансформации юридического образования, как развитие юридического клинического образования с использованием информационных технологий. Формируемые в сфере IT навыки помогут студентам юридических факультетов овладеть основными компетенциями, необходимыми во все более технологичной профессиональной деятельности. Таким образом, технологическая составляющая юридической клинической деятельности в условиях вынужденных ограничений имеет и серьезное социальное значение. Показательным примером в обозначенном контексте представляется опыт юридического факультета Британского Университета Камбрии (University of Cumbria) по организации виртуальной юридической клиники (Virtual law clinic — VLC)⁵.

VLC — это онлайн-клиника, созданная в сотрудничестве между студентами, курирующими преподавателями и местными адвокатами на общественных началах. В процессе выполнения в электронном виде на платформе VLC таких задач, как юридические исследования, переписка, составление заявлений по делу, опрос клиентов и свидетелей-экспертов, а также разрешение споров в режиме онлайн под руководством профессионального куратора, у обучающихся формируется четкое понимание роли технологий, значения юридической этики, конфиденциальности и безопасности информации в юридической практике, что представляется крайне важным элементом современного юридического образования.

Таким образом, реальный опыт практической деятельности, осуществляемой, по сути, в виртуальной среде с использованием всех классических инструментов оказания юридической помощи, может быть крайне важной частью образовательного процесса, отражая его практикоориентированную составляющую.

В контексте особого значения информационных технологий практически во всех сферах современного общества стоит отметить необходимость разработки, внедрения и развития передовых компьютерных

⁵ См. об этом: Thanaraj A., Sales M. *Lawyering in a digital age: a practice report introducing the at Cumbria. Practice Report: Teaching and Learning in Clinic // International Journal of Clinical Legal Education. 2015. 22 (3): 334. URL: https://www.researchgate.net/publication/314550319_Lawyering_in_a_Digital_Age_A_Practice_Report_on_the_Design_of_a_Virtual_Law_Clinic_at_Cumbria (дата обращения: 19.10.2020).*

обучающих систем⁶, изменения способа обучения студентов (с применением систем дистанционного образования, интерактивных методик преподавания права, применением презентационных технологий, использованием междисциплинарных технологий, современных методик сравнительного правоведения, юридического перевода и т.д.), ввиду того что современные информационные технологии упрощают хранение, поиск и распространение информации, а также облегчают совместную деятельность преподавателей права с коллегами из других вузов и стран, а также с коллегами, преподающими смежные дисциплины, в контексте междисциплинарных подходов к юридическому образованию. Важным направлением развития юридических школ, факультетов, классических университетов представляется создание цифровой образовательной среды (прежде всего с интеграцией системы дистанционного образования, цифровой, виртуальной библиотеки (включая национальные и зарубежные справочно-правовые системы, учебные и научные материалы, интеграцию с библиотечными и информационными ресурсами иных вузов и др.),

электронного профиля администрации, преподавателей, студентов, выпускников, электронного расписания, электронных журналов и зачетных книжек и т.д.), внедрение и совершенствование дистанционных образовательных программ, в том числе ориентированных на иностранных студентов, находящихся за рубежом.

Проведенный анализ позволяет заключить, что эффективное использование информационных технологий в юридическом образовании (начиная от основ использования персональных компьютеров и программ ЭВМ, заканчивая кодированием) на современном этапе его развития должно быть предметом модернизации учебных планов, траекторией совершенствования программ подготовки юристов и обязательной компетенцией, формируемой или требуемой при получении юридического образования (объем и содержание которой определяются в зависимости от самой технологии и уровня юридического образования). При этом увеличение объема и повышение уровня освоения информационных технологий, корреспондирующие такому освоению образовательные задачи, приоритетными из которых представляется уяснение сути и обучение механизмам технологии блокчейн, LegalTech-инструментов, контролируемого использования искусственного интеллекта в нормативно установленных пределах, представляются основным направлением трансформации и совершенствования юридического образования в мире.

⁶ См. об этом: Itanyi I N. Impact of information technology on legal education: A Proposal for the Introduction of Information Technology Law in the Nigerian Law. Curriculum. Conference Paper. 30.01.2017. URL: https://www.researchgate.net/publication/313063802_IMPACT_OF_INFORMATION_TECHNOLOGY_ON_LEGAL_EDUCATION_A_Proposal_for_the_Introduction_of_Information_Technology_Law_in_the_Nigerian_Law_Curriculum (дата обращения: 19.10.2020).

References

1. Fenwick M. Legal Education in a Digital Age: Why 'Coding for Lawyers' Matters / M. Fenwick, W.A. Kaal, P.M.E. Vermeulen // Lex Research Topics in Corporate Law & Economics Working Paper No, 2018-4, University of St. Thomas. (Minnesota) Legal Studies Research Paper No. 18–21. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3227967> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3227967> (date of access : October 19, 2020).
2. Itanyi I N. Impact of information technology on legal education: A Proposal for the Introduction of Information Technology Law in the Nigerian Law. Curriculum / N. Itanyi I // Conference: Annual Conference of the Nigerian Law Teachers Association At. Ado-Ekiti, Ekiti State, 2013. Vol. 48. URL: https://www.researchgate.net/publication/313063802_IMPACT_OF_INFORMATION_TECHNOLOGY_ON_LEGAL_EDUCATION_A_Proposal_for_the_Introduction_of_Information_Technology_Law_in_the_Nigerian_Law_Curriculum (date of access : October 19, 2020).
3. Thanaraj A. Lawyering in a digital age: a practice report introducing the at Cumbria. Practice Report: Teaching and Learning in Clinic / A. Thanaraj, M. Sales // International Journal of Clinical Legal Education. 2015. Vol. 22. Iss. 3. P. 334–361.

Мы в социальных сетях Facebook и Instagram!

**Анонсы мероприятий, фотоотчёты
и свежие новости нашего издательства.**

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ!

Facebook: <https://www.facebook.com/ig.lawinfo/>

Instagram: <https://www.instagram.com/ig.lawinfo/>

Потребительский аспект образовательных правоотношений

Литвинова Татьяна Анатольевна,

юрисконсульт Юридического отдела

Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
магистрант кафедры гражданского и административного судопроизводства

Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
talitvinova@msal.ru

Цель. Исследование проблем, возникающих в правоприменительной практике по защите прав потребителей образовательных услуг. Разграничение судебного и иных способов защиты образовательных прав. Определение соотношения норм образовательного и потребительского законодательства при разрешении споров о защите прав потребителей платных образовательных услуг. **Методология:** диалектика, анализ, синтез, индукция и дедукция, формально-юридический метод. **Выводы.** Законодательство о защите прав потребителей применимо исключительно к образовательным услугам, оказываемым на основе полного возмещения затрат на обучение, т.е. по соответствующим возмездным договорам об оказании образовательных услуг. Для применения мер защиты прав потребителя образовательной услуги, действующего добросовестно, необходимо в каждом конкретном случае устанавливать объем предоставления образовательной услуги в сравнении с учебным планом. Требования потребителей о существенном снижении стоимости платных образовательных услуг в отсутствие к тому реальных оснований являются проявлением «потребительского экстремизма». **Научная и практическая значимость.** Выводы, сформулированные в настоящей статье, могут быть использованы в дальнейших исследованиях по рассматриваемой проблематике, в научно-педагогической деятельности, правоприменительной деятельности органов, рассматривающих конкретные споры. Указанные положения могут быть полезны и потребителям, поскольку правильный выбор порядка и способа защиты ускоряет достижение цели защиты нарушенного права.

Ключевые слова: образовательные правоотношения, платные образовательные услуги, права потребителей, выбор надлежащего способа защиты, судебная защита образовательных прав, потребительский экстремизм.

Образовательные отношения в силу своей специфики большинством их участников не связываются с отношениями потребительскими. Однако образовательные услуги тем не менее находятся в сфере регулирования Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»¹. Особенностью защиты прав потребителей образовательных услуг является то, что критерии качества услуг определяются не гражданским, не потребительским, а специальным законодательством — законодательством об образовании и соответствующими подзаконными актами.

Стоит отметить, что особенностью потребительских отношений в сфере оказания образовательных услуг является фактический состав, определяющий возникновение, изменение и прекращение образовательных и потребительских правоотношений одновременно.

В силу тех же особенностей характера образовательных услуг стоит обратить внимание на еще один вопрос, вызывающий споры между потребителями и образовательными организациями. Это вопрос о дальнейшей судьбе сопутствующих договоров (например, по изучению дополнительного языка или проживанию в общежитии) в случае прекращения

основных образовательных отношений. Судебной практикой² сформирован абсолютно логичный подход — в результате прекращения основного договора все сопутствующие договоры подлежат прекращению, поскольку они находятся в неразрывной связи с основным договором, их конечная цель направлена на один и тот же результат. А в случае прекращения образовательных отношений по основному договору утрачивается значение сопутствующих договоров.

Законодательством предусмотрен целый комплекс мер, направленных на обеспечение соблюдения прав потребителей при оказании платных образовательных услуг: определены требования к информационной открытости образовательной организации, а также к информации, которая должна предоставляться при заключении договора; исчерпывающе определен перечень оснований для пересмотра стоимости обучения; ограничены основания прекращения договора об оказании платных образовательных услуг³.

¹ СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19 марта 2020 г. по делу № 8Г-6295/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Полякова В.Э. Возмездное оказание образовательных услуг // СПС «КонсультантПлюс». 2020.

Однако, как справедливо отмечает Ю.А. Маркс, к настоящему времени подход законодателя к правовому регулированию оказания образовательных услуг остается рамочным и в значительной степени фрагментарным⁴. Упомянутым автором предлагается решение этой проблемы в виде включения в Гражданский кодекс РФ новой главы, посвященной возмездному оказанию образовательных услуг. Думается, что это не вполне рациональное решение, поскольку, как было указано выше, специфика образовательных услуг выходит за пределы гражданско-правового регулирования и включение в Гражданский кодекс РФ образовательных норм противоречит отраслевой специфике кодекса. Более удачным представляется, конкретизация норм образовательного законодательства и построение в рамках его логичной системы взаимосвязей всех регулирующих отраслей путем включения отсылочных норм там, где это необходимо для правильного понимания правовых установлений.

1. Какие образовательные отношения сопровождаются возникновением потребительских отношений?

Современные реалии обусловили возникновение большого разнообразия образовательных услуг, оказываемых в разных формах. Наиболее распространенными и обыденными являются образовательные услуги, опосредующие получение высшего или среднего профессионального образования. Однако сейчас отмечается рост числа частных образовательных организаций, оказывающих платные образовательные услуги в сфере общего образования, соответственно увеличивается и объем оказываемых ими услуг. Нельзя не упомянуть и о дополнительных образовательных программах — это всевозможные кружки и секции, дополнительные дисциплины, не входящие в общеобразовательную программу или образовательный стандарт, изучение которых осуществляется на платной основе по инициативе обучающихся (заказчиков); программы повышения квалификации лиц, уже имеющих определенный уровень образования.

Потребительский характер отношений, возникающий в связи с оказанием платных образовательных услуг, когда обучающимся и заказчиком является физическое лицо, не вызывает сомнений.

Распространяется ли законодательство о защите прав потребителей на правоотношения в сфере образования, финансируемого за счет бюджетных ассигнований? Одним из существенных критериев потребительских отношений является возмездный

характер. В данном случае этот критерий отсутствует.

Однако судебная практика иногда допускает отступление от этого критерия. Так, п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей»⁵ устанавливает, что к отношениям по предоставлению гражданам медицинских услуг, оказываемых медицинскими организациями в рамках *добровольного и обязательного медицинского страхования*, применяется законодательство о защите прав потребителей, которое регулирует отношения, возникающие между потребителями и исполнителями, при выполнении работ, оказании услуг, устанавливает права потребителей на приобретение работ, услуг надлежащего качества и безопасных для жизни, здоровья, имущества потребителей, получение информации о работах, услугах и об исполнителях, продавцах, просвещение, государственную и общественную защиту их интересов, а также определяет механизм реализации этих прав.

Провести аналогию и распространить действие Закона о защите прав потребителей на образование за счет бюджетных ассигнований было бы некорректным, поскольку характер финансирования оказания медицинских услуг за счет средств фондов ОМС или ДМС и характер финансирования бюджетных учреждений, оказывающих образовательные услуги, существенно различаются.

Так, финансовое обеспечение государственных (муниципальных) образовательных услуг построено на основе установления нормативных затрат, которые определяются по каждому уровню образования в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами, по каждому виду и направленности (профилю) образовательных программ с учетом форм обучения, включая практическую подготовку обучающихся, федеральных государственных требований (при их наличии), типа образовательной организации, сетевой формы реализации образовательных программ, образовательных технологий, специальных условий получения образования обучающимися с ограниченными возможностями здоровья, обеспечения дополнительного профессионального образования педагогическим работникам, обеспечения безопасных условий обучения и воспитания, охраны здоровья обучающихся, а также с учетом иных предусмотренных Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — Закон об образовании) особенностей организации и осуществления образовательной

⁴ Маркс Ю.А. Правовая специфика оказания образовательных услуг как объекта гражданских правоотношений // Журнал российского права. 2019. № 3. С. 64–73.

⁵ СПС «КонсультантПлюс».

деятельности (для различных категорий обучающихся), за исключением образовательной деятельности, осуществляемой в соответствии с образовательными стандартами, в расчете на одного обучающегося (ч. 2 ст. 99 Закона об образовании).

Оплата медицинских услуг за счет средств ДМС определяет возмездный характер отношений, поскольку, по существу, для потребителя меняется лишь способ оплаты — для этого потребитель опосредует оплату медицинской услуги уплатой страховой премии по полису ДМС. Точно так же и услуги по ОМС характеризуются персонафикацией при их оплате, т.е. за счет средств соответствующих фондов происходит оплата определенных медицинских услуг для определенного застрахованного лица.

Образовательные отношения в случае обучения за счет бюджетных ассигнований ничем не опосредованы. Оплата конкретной образовательной услуги для конкретного лица по общему правилу не производится. Нормативы финансирования устанавливаются в целях финансового обеспечения деятельности соответствующей образовательной организации. Такое финансирование направлено на обеспечение реализации социальной функции соответствующих организаций, как правило некоммерческих, а не на извлечение ими прибыли.

В основном судебная практика верно отклоняет ссылки на Закон о защите прав потребителей при рассмотрении образовательных споров, когда обучение осуществлялось на бюджетной основе.

Судебной коллегией по гражданским делам Суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в Апелляционном определении от 24 мая 2018 г. по делу № 33-3286/2018 было указано, что суд первой инстанции правомерно отклонил ссылку истца на Закон о защите прав потребителей, поскольку указанный закон применяется лишь в случаях оказания платных образовательных услуг на основе соответствующего договора, который в рассматриваемом случае места не имел — истец обучался на бюджетной основе.

В деле по иску гражданина С., обучавшегося на бюджетной основе, к МГУ истец обосновывал свои требования в том числе на положениях Закона о защите прав потребителей, однако это не было принято судом⁶.

Тем не менее в судебной практике встречаются случаи ошибочного применения Закона о защите прав потребителей и к отношениям по образованию, финансируемому за счет средств федерального бюджета⁷.

⁶ Апелляционное определение Московского городского суда от 18 марта 2014 г. по делу № 33-8069. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs>

⁷ Апелляционное определение Московского городского суда от 4 августа 2020 г. по делу № 2-4834/2019; Апелляционное

Далее перейдем к рассмотрению вопросов, возникающих в связи с оказанием платных образовательных услуг, к которым Закон о защите прав потребителей применяется безусловно.

2. Порядок защиты прав потребителей образовательных услуг. Применительно к данному виду услуг надлежащими являются административный, и судебный порядки. Специализированным административным органом, уполномоченным осуществлять контроль за образовательными организациями, в том числе и при оказании ими платных образовательных услуг, является Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор). Одним из направлений деятельности Рособрнадзора является рассмотрение жалоб и обращений граждан. В случае выявления в ходе рассмотрения жалобы или обращения нарушения в действиях образовательной организации Рособрнадзор выносит акт реагирования об устранении выявленных нарушений.

На практике обучающиеся направляют жалобы и обращения в Министерство просвещения, Министерство высшего образования и науки, органы прокуратуры. Однако упомянутые министерства не уполномочены на проведение проверок с вынесением соответствующих актов реагирования, они уполномочены лишь на рассмотрение обращений и направление их по компетенции, в частности в Рособрнадзор. Прокуратура реализует полномочия по общему надзору за соблюдением законодательства, в том числе образовательного. Прокурор вправе обратиться в суд с иском в защиту потребителя, а также поставить перед судом вопрос о привлечении образовательной организации или ее должностных лиц к административной ответственности по ст. 5.57 КоАП РФ. Стоит отметить, что более популярным в прокурорской практике является второй вариант.

Судебный порядок защиты является универсальным.

3. Наиболее частые споры об оказании платных образовательных услуг. В ходе анализа судебной практики можно выделить следующие категории споров:

— споры о признании приказов об отчислении незаконными и о восстановлении в число обучающихся составляют основной массив образовательных споров. Требования о защите прав потребителей в данной категории споров являются факультативными, поскольку цели защиты права обучающегося на образование в данном случае не может послужить удовлетворение требований о снижении стоимости

определение Московского городского суда от 12 марта 2020 г. по делу № 33-9732/2020. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs>

образовательной услуги, возмещении убытков или применение иных способов потребительской защиты. Это обусловлено спецификой образовательных отношений и нематериальной целью получения образовательной услуги.

Анализируя судебную практику по таким делам, можно выявить несколько закономерностей. Во-первых, положительная судебная практика устойчиво сложилась в основном по делам о так называемых дисциплинарных отчислениях. То есть в случаях, когда отчисление применялось к обучающемуся как санкция за какое-либо нарушение. Думается, такая тенденция связана с повышенным стандартом процедуры дисциплинарных отчислений относительно, например, процедуры отчисления обучающегося в связи с недобросовестным освоением программы, а также тем, что образовательным организациям по различным причинам не всегда удается соблюсти усложненную процедуру (направление вызова, затребование письменных объяснений, уведомление о применении мер дисциплинарного воздействия).

Во-вторых, можно отметить, что наиболее успешную судебную перспективу имеют требования об обжаловании приказа об отчислении при нарушении образовательной организацией порядка отчисления обучающегося и при неправильной квалификации основания отчисления.

Кроме того, как следует из судебной практики⁸, надлежащим способом защиты прав потребителя образовательной организации является именно одновременное совместное предъявление иска об оспаривании законности приказа об отчислении и о применении мер защиты прав потребителей. Предъявление требований о защите прав потребителей без оспаривания законности приказа в данном случае не приведет к защите права;

— *договорные споры, направленные на изменение или прекращение существующих правоотношений, применение договорных мер ответственности* (о признании договоров недействительными, незаключенными, о правовых последствиях одностороннего отказа и т.д.), аналогично описанной выше категории включают требования о защите прав потребителей лишь как факультативные, поскольку основной целью является установление правовой определенности в существующих отношениях — как правило, констатация их отсутствия по тем или иным причинам либо применение санкций, предусмотренных договором. Стоит отметить, что по данной категории споров судебные ошибки, связанные с неприменением Закона о защите прав потреби-

лей, возникали чаще остальных, в связи с чем на это обратил внимание Верховный Суд, прямо указав что Закон о защите прав потребителей распространяется в том числе на отношения, вытекающие из договора об оказании платных образовательных услуг. Также Верховный Суд РФ обратил внимание, что при отказе потребителя от исполнения договора об оказании платных образовательных услуг исполнителю оплачиваются только фактически понесенные им расходы, связанные с исполнением обязательств по данному договору⁹.

Также судебная практика подтверждает, что возможность и основания возврата денежных средств при досрочном прекращении договора зависят от оснований такого прекращения¹⁰:

— в случае расторжения договора по инициативе или по вине заказчика плата за услуги, которые не были оказаны, должна быть возвращена, за исключением фактически понесенных исполнителем расходов (ст. 32 Закона о защите прав потребителей, п. 1 ст. 782 ГК РФ). Иными словами, заказчику подлежит возврату сумма за услуги, которые не были (не будут) оказаны¹¹;

— при расторжении договора по вине организации, оказывающей образовательные услуги (в частности, ввиду лишения государственной аккредитации), подлежит возврату полная стоимость обучения (ст. 29 Закона о защите прав потребителей)¹².

В рамках выделенной категории споров можно также выделить споры, связанные с отдельными условиями, не связанными с качеством услуги. Например, споры, возникающие, в частности, в связи с включением условий, ущемляющих права потребителя. Причем рассмотрение дел по данной категории споров возможно в рамках производства по административным делам¹³. По данной категории дел существенное значение имеет правовая позиция, выработанная судебной практикой о том, что организации, оказывающие образовательные услуги, не вправе включать в договор основания прекращения и расторжения договора, не предусмотренные

⁸ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 13 марта 2020 г. № 88-4043/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 06.07.2016 (п. 3)) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Полякова В.Э. Возмездное оказание образовательных услуг // СПС «КонсультантПлюс». 2020.

¹¹ Решение Пермского краевого суда от 4 мая 2017 г. по делу № 7-766-2017 (21-489/2017); Определение Верховного суда Чувашской Республики от 9 июня 2014 г. по делу № 33-2383/2014. URL: <https://sudact.ru/>

¹² Апелляционное определение Свердловского областного суда от 12 апреля 2017 г. по делу № 33-6190/2017. URL: https://oblsud--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=8170668&case_uid=02b34ac7-4528-4c28-b685-b5ac5c2a2b8e&delo_id=5&new=5

¹³ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 17 декабря 2019 г. № Ф09-8166/19 по делу № А60-57784/2018. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/gYOkMAHLi8C/>

законодательством¹⁴. Распространенным нарушением является необоснованное повышение образовательными организациями стоимости образовательных услуг в одностороннем порядке¹⁵, что безусловно является нарушением прав потребителя и, кроме того, может быть квалифицировано как административное правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 14.8 КоАП РФ¹⁶.

При заключении договоров на оказание платных образовательных услуг имеет место включение в соответствующие договоры положений об ограничении права потребителя на отказ от исполнения договора возмездного оказания услуг в любое время и без обоснования причин, предоставленного ст. 782 ГК РФ и ст. 32 Закона о защите прав потребителей; включение в договор условия о невозврате сумм, уплаченных за образовательные услуги, либо о возврате их со значительными удержаниями при отказе от исполнения договора по инициативе потребителя на основании ст. 782 ГК РФ, условия, предоставляющего образовательным учреждениям право в одностороннем порядке расторгать договор в случае нарушения студентом различных правил поведения, в том числе проживания в общежитии; установления оплаты за пересдачу экзаменов, контрольных работ, зачетов, проведения практики¹⁷;

— споры о качестве оказания образовательных услуг. Данную категорию споров можно обозначить как собственно потребительские споры, где требования о защите прав потребителя являются основными и самостоятельными. Основные требования направлены на защиту прав потребителей образовательной услуги посредством устранения нарушений порядка оказания услуги либо перерасчета стоимости;

— также можно выделить дела о нарушениях прав потребителей, договорные отношения с которыми еще не возникли. Имеют место случаи представления в рекламе высших учебных заведений недостоверной информации о дипломах, получаемых после окончания вуза, и льготах, предоставляемых студентам; договоры о предоставлении образовательных

услуг не всегда обеспечивают должную защиту прав потребителей¹⁸.

4. Особенности рассмотрения в суде дел по защите прав потребителей образовательных услуг. Специальных предпосылок права на предъявление иска по рассматриваемой категории дел законодатель не устанавливает.

С иском заявлением о защите прав потребителя вправе обратиться сам обучающийся, законные представители в защиту интересов обучающегося и в защиту собственных интересов (не потребительских) как заказчиков по договору оказания платных образовательных услуг в тех случаях, когда они являются таковыми. В качестве процессуального истца производство по делу может инициировать прокурор, однако стоит отметить, что в судебной практике таких дел крайне мало, поскольку в рамках надзорной деятельности в случае выявления нарушений прав потребителей прокурор реализует меры реагирования в рамках производства по административному делу (КоАП РФ).

Не установлено требование о соблюдении обязательного досудебного порядка урегулирования спора.

Указанные споры по роду дел подсудны судам общей юрисдикции, территориально — истец вправе выбрать суд по месту нахождения образовательной организации — ответчика либо суд по своему месту жительства.

Особых требований к исковому заявлению и прилагаемым документам нет. Потребителю следует лишь описать то, в чем, по его мнению, состоит нарушение права, и приложить соответствующие документы. После принятия иска к производству подготовка дела осуществляется по общим правилам.

По данной категории споров предмет доказывания определяется исходя из предъявляемых требований, однако общим для всех видов рассматриваемых споров будет факт наличия возмездных образовательных отношений между потребителем (обучающимся) и образовательной организацией.

По спорам о признании приказа об отчислении незаконным и восстановлении в число обучающихся с факультативными требованиями о защите прав потребителей в предмет доказывания будут входить следующие факты: наличие факта — основания отчисления, соблюдение порядка, в том числе направление соответствующих вызовов, уведомлений и т.д., когда это предусмотрено Законом об образовании и локальными актами образовательной организации. Бремя доказывания перекладывается

¹⁴ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 4 мая 2016 г. № 33-8768/2016 по делу № 2-1146/2016; Постановление Московского городского суда от 24 августа 2015 г. № 4а-2129/15 // СПС «Гарант».

¹⁵ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 31 марта 2020 г. по делу № 88-5209/2020. URL: https://3kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=2993809&case_uid=208126b1-91d5-4318-ba9f-6d975e56a6f7&new=2800001&delo_id=2800001

¹⁶ Письмо Минобрнауки России от 6 февраля 2019 г. № МИП-94/СК «Об установлении стоимости платных образовательных услуг» // СПС «Гарант».

¹⁷ Обзор правоприменительной практики контрольно-надзорной деятельности Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека за 1 квартал 2018 года (утв. Роспотребнадзором) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Бессарабов В.Г., Ашиткова Т.В. Актуальные проблемы прокурорского надзора за исполнением законодательства о высшем образовании // Законность. 2016. № 10. С. 13–18.

на ответчика — он должен предоставить суду доказательства наличия основания отчисления и соблюдения порядка.

В данном случае при предъявлении требований о компенсации морального вреда по Закону о защите прав потребителей не требуется доказывать размер вреда. Удовлетворение этого требования зависит от удовлетворения основных требований, поскольку удовлетворение основных требований в данном случае обуславливает констатацию факта ненадлежащего оказания услуги потребителю.

По договорным спорам удовлетворение требований о защите прав потребителей происходит также в случае удовлетворения основного требования. Однако при заявлении требования о возмещении убытков в связи с ненадлежащим оказанием образовательной услуги истцу необходимо доказать наличие и размер убытков.

В деле по иску У. к организации, осуществляющей образовательную деятельность, было установлено, что исполнитель досрочно в одностороннем порядке отказался от исполнения договора, сославшись на нерентабельность, денежные средства, оплаченные истцом за обучение, не вернул¹⁹.

Суд применил нормы о договорной ответственности, неосновательном обогащении и ответственности по Закону о защите прав потребителей.

Также в связи с прекращением договоров об оказании платных образовательных услуг возникают споры о возврате уплаченных денежных средств, размер которых превышает стоимость оказанных до отказа от договора услуг.

По спорам о качестве оказания образовательных услуг предмет доказывания наиболее разнообразный, поскольку качество оказания образовательной услуги определяется совокупностью многих критериев, несоблюдение любого из которых влечет нарушение качества оказания услуги.

В соответствии с п. 29 ст. 2 Закона об образовании качество образования — комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы.

Правила оказания платных образовательных услуг, утвержденные Постановлением Правительства РФ

¹⁹ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12 мая 2020 г. по делу № 88-8359/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

от 15 сентября 2020 г. № 1441, определяют недостаток платных образовательных услуг как несоответствие платных образовательных услуг обязательным требованиям, предусмотренным законом либо в установленном им порядке, или условиям договора (при их отсутствии или неполноте условий обычно предъявляемым требованиям), или целям, для которых платные образовательные услуги обычно используются, или целям, о которых исполнитель был поставлен в известность заказчиком при заключении договора, в том числе оказания их не в полном объеме, предусмотренном образовательными программами (частью образовательной программы).

Существенный недостаток платных образовательных услуг указанными Правилами определяется как неустранимый недостаток или недостаток, который не может быть устранен без несоразмерных расходов или затрат времени, или выявляется неоднократно, или проявляется вновь после его устранения.

Указанные определения только подтверждают многообразие возможных недостатков образовательных услуг.

Обратимся к судебной практике, исходя из которой можно выделить следующие нарушения:

— необоснованное и несогласованное уменьшение объема оказываемых образовательных услуг. Данное нарушение является наиболее простым с точки зрения его доказывания, поскольку утверждение истца об отрицательном факте — неоказании определенного объема услуг перекладывает бремя доказывания факта оказания услуг в полном объеме на ответчика;

— оказание образовательных услуг лицом, не имеющим квалификации, которая предусмотрена образовательным стандартом, либо иными лицами, нежели предусмотрено договором оказания платных образовательных услуг, где интерес заказчика (обучающегося) обусловлен определенной индивидуализацией лиц, непосредственно осуществляющих обучение (например, при заключении договора на прохождение авторского или иного курса с участием определенного специалиста)²⁰;

— отказ образовательной организации от выдачи надлежащего документа об образовании и квалификации²¹;

— немотивированное изменение учебного плана в части определения направления подготовки;

— другие нарушения.

²⁰ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14 января 2020 г. по делу № 88-1284/2020. URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo

²¹ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 16 сентября 2020 г. № 88-9308/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Требование о снижении стоимости образовательных услуг в связи с применением дистанционных образовательных технологий: защита права или «потребительский экстремизм»?

Недавно стало известно о том, что обучающиеся МГУ планируют предъявить в суд иск о снижении стоимости образовательных услуг в связи с переходом на дистанционное обучение. По информации СМИ, обучающиеся мотивируют свои требования тем, что в связи с переходом на обучение с использованием дистанционных образовательных технологий (ДОТ) существенно снизилось качество оказания образовательных услуг: нет возможности пользоваться библиотекой, что предусмотрено договором оказания платных образовательных услуг, возникают сбои при использовании системы дистанционного обучения, нет личного общения с преподавателями²². Данный спор укладывается в категорию споров о качестве образовательных услуг, рассмотренную выше.

Стоит отметить, несмотря на то что этот спор породил достаточно большой общественный резонанс, он не является уникальным, и другие образовательные организации столкнулись с аналогичными требованиями обучающихся. Поэтому имеет смысл более подробно проанализировать ситуацию.

Весной 2020 г. были введены ограничительные меры в связи с пандемией COVID-19, которые коснулись в том числе и посещения обучающимися образовательных организаций. Так, Минобрнауки было принято решение о временном прекращении в подведомственных образовательных организациях всех видов учебных занятий в очном режиме (в том числе проведение государственной аттестации) и обязательном применении ДОТ для организации образовательного процесса.

В действительности далеко не все вузы оказались готовы к такой экстренной цифровизации, и первоначально сложности технического характера действительно имели место. Однако большинство вузов, особенно крупных и наиболее авторитетных, достаточно быстро адаптировались к сложившейся ситуации и наладили функционирование дистанционных образовательных систем в штатном режиме. По существу, для образовательных организаций переход на ДОТ повлек дополнительные затраты на приобретение оборудования, на расширение штата технических специалистов либо увеличение затрат на оплату их труда.

²² «Дистанционку» переносят в суд // Студенты из МГУ хотят вернуть часть платы за обучение. URL: https://zakon.ru/discussion/2020/11/18/distancionku_perenosyat_v_sud_studenty_iz_mgu_hotyat_vernut_chast_platy_za_obuchenie (дата обращения: 07.01.2021).

В образовательные организации продолжают регулярно поступать различного рода обращения от обучающихся и их родителей о снижении стоимости образовательных услуг в связи с переходом на обучение с применением ДОТ. Размер снижения оценивается заявителями по-разному — от 20% и более от стоимости услуг, предусмотренных договором.

Можно ли считать переход на обучение с применением ДОТ нарушением прав потребителей образовательных услуг? Думается, что однозначно положительный ответ на этот вопрос дать нельзя в силу следующего. Помимо дополнительных затрат образовательных организаций, которые невозможно компенсировать путем увеличения стоимости обучения (договоры оказания платных образовательных услуг, как правило, содержат условие о том, что дополнительные расходы исполнителя, возникшие в связи с исполнением договора, не могут повлечь увеличение стоимости услуг), существенные условия договора оказания платных образовательных услуг продолжали исполняться образовательными организациями в том же объеме. Характеристики обучения сохраняются в полном объеме — в документах о квалификации применение ДОТ не отражается, форма обучения указывается в соответствии с договором. Помимо договора образовательный процесс в большей степени регламентируется учебно-методическими документами (программами, учебными планами и т.д.), в которых определяются виды и объем учебной нагрузки, которая позволяет освоить программу в объеме, предусмотренном образовательными стандартами.

В связи с чем представляется логичным допустить возможность перерасчета стоимости образовательных услуг лишь в том случае, если в связи с применением (или фактическим неприменением) образовательной организацией ДОТ возникло отклонение от программ, учебных планов и т.д.

Очевидно, что в таком случае сам факт принятия решения образовательной организацией о переходе на обучение в дистанционном формате не может служить основанием для перерасчета, а факт отклонения образовательной организации от учебного плана надлежит доказывать истцу (заявителю).

Доводы о том, что стоимость образовательных услуг необходимо пересматривать в связи с невозможностью посещать здание образовательной организации и лично находиться в аудитории с преподавателем, нельзя признать состоятельными, поскольку место, где обучающийся воспринимает транслируемые знания, не может характеризовать качество последних. То же самое можно сказать о том, что качество знаний нельзя определять нахождением обучающегося и преподавателя физически в одном помещении. Как показала практика, напро-

тив, с переходом на дистанционный формат преподаватели получили возможность реализовать практически индивидуальный подход к обучающимся (безусловно, речь идет лишь о тех образовательных организациях, где реализация ДОТ была реальной, а не номинальной).

Еще один аспект рассматриваемого вопроса — определение «коэффициента понижения» стоимости. Кто должен его определять? В каком порядке? В случаях, когда применение ДОТ по тем или иным причинам изменило формат проведения учебных занятий (за исключением физического нахождения обучающихся с преподавателем в помещении образовательной организации) так, что пострадало качество или объем оказываемой услуги, вопрос о перерасчете стоимости должен быть решен положительно. Причем представляется целесообразным, чтобы образовательные организации самостоятельно на основе внутреннего анализа степени готовности к обеспечению образовательного процесса с применением ДОТ принимали решение о пропорциональном снижении стоимости образовательных услуг, поскольку удовлетворение требований отдельных заявителей по обстоятельствам, объективно суще-

ствующим для всех обучающихся, повлечет нарушение принципа равенства. Также можно прийти к выводу, что «коэффициент понижения» должен рассчитываться исходя из фактически организованного образовательного процесса и объема оказания образовательных услуг.

Анализируя вышеизложенное, закономерным выводом будет являться то, что для применения мер защиты прав потребителя образовательной услуги, действующего добросовестно, необходимо в каждом конкретном случае устанавливать объем предоставления образовательной услуги и проводить сравнение с учебным планом. Требования потребителей о существенном снижении стоимости платных образовательных услуг в отсутствие к тому реальных оснований являются проявлением «потребительского экстремизма».

Остается лишь дождаться решения Никулинского суда города Москвы (если иск обучающихся МГУ к своей alma mater будет принят и рассмотрен судом), которому и предстоит разрешить непростой вопрос о том, как соблюсти баланс правового воздействия образовательных и потребительских норм.

Литература

1. Бессарабов В.Г. Актуальные проблемы прокурорского надзора за исполнением законодательства о высшем образовании / В.Г. Бессарабов, Т.В. Ашиткова // Законность. 2016. № 10. С. 13–18.
2. Маркс Ю.А. Правовая специфика оказания образовательных услуг как объекта гражданских правоотношений / Ю.А. Маркс // Журнал российского права. 2019. № 3. С. 64–73.

References

1. Bessarabov V.G. Aktualny`e problemy` prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonodatelstva o vy`sshem obrazovanii [Relevant Problems of the Prosecutor's Supervision over Enforcement of Laws on Higher Education] / V.G. Bessarabov, T.V. Ashitkova // Zakonnost — Legality. 2016. № 10. S. 13–18.
2. Marks Yu.A. Pravovaya spetsifika okazaniya obrazovatelny`kh uslug kak obyekta grazhdanskikh pravootnosheniy [Legal Specifics of Rendering of Educational Services as an Object of Civil Relationships] / Yu.A. Marks // Zhurnal rossiyskogo prava — Russian Law Journal. 2019. № 3. S. 64–73.

Уважаемые авторы!

Обращаем ваше внимание на следующие пункты:

- Нельзя предоставлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале.
- Соавторами статьи должны быть указаны все лица, внесшие существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.
- Если вы обнаружили существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования, необходимо как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала.

Дефиниция «цифровая криминалистика» как начало ложного направления в науке Часть 1

Кучин Олег Стасьевич,

профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики
Российского государственного университета правосудия (РГУП),
академик Российской академии естествознания (РАЕ),
заслуженный деятель науки и техники Российской академии естествознания (РАЕ),
доктор юридических наук, доцент
kuchin-os@rambler.ru

Кучина Ярослава Олеговна,

докторант Университета Макао (Макао САР, КНР),
кандидат юридических наук, доцент, LL.M.
yakuchina@gmail.com

Цель. Сравнить и проанализировать тенденцию появления в науке криминалистики псевдотермина «цифровая криминалистика» и доказать, что это является певерно. **Методология:** индукция, дедукция, синтез, анализ, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, логический метод. **Выводы.** Эволюция способов совершения преступлений и орудий преступлений не всегда требует эволюции науки криминалистики и появления ее разновидностей. Надо просто оценить перспективы экстраполяции способов и методик доказывания обстоятельств совершенного преступления в эпоху цифровизации общественных отношений с точки зрения положений современной криминалистики и всего криминально-правового научного блока. Появившись в последнее время в науке, дефиниция «цифровая криминалистика» фактически вводит научное сообщество в заблуждение своей новизной и оригинальностью, так как таковой криминалистики в природе не существует априори. Следует говорить только о криминалистическом или об экспертном исследовании носителей цифровой (электронной или компьютерной) информации. В криминалистике логично должно развиваться новое направление — криминалистическое исследование электронных носителей цифровой информации и использование возможностей компьютерных экспертиз в установлении всех обстоятельств совершенного преступления. И это просто новый раздел криминалистической техники, изучающий новый для данной науки предмет исследования. Здесь должна применяться традиционная криминалистическая методология, которая будет направлена на то, чтобы «привязать» электронный носитель цифровой информации и саму цифровую информацию к конкретному преступлению и к конкретному лицу. **Научная и практическая значимость.** Проведенное исследование направлено на ориентацию криминалистической теории и практики в сторону изучения конкретных объектов и способствует тому, чтобы все эти исследования в дальнейшем были применимы к практике расследования преступлений, а не только в теоретических целях.

Ключевые слова: криминалистика, цифровые носители цифровой информации, информатика, электроника, нейросети, следователь, расследование.

Современная российская криминалистическая наука находится в сложном переходном состоянии, связанном с возникновением новой научной парадигмы. Процесс цифровизации общественных отношений требует от научно-экспертного и криминалистического сообщества изменения взглядов на ряд ее теоретических и прикладных проблем, нуждается в разработке новых подходов, приемов и методов.

Уровень современного научно-технического прогресса сам по себе предопределяет безусловное использование его достижений для повышения эффективности применения высоких технологий при выявлении, раскрытии, расследовании и превенции преступлений. При этом речь идет не о совершен-

ствовании традиционных технических средств, имеваемых рядом исследователей «классической» криминалистикой (например, усовершенствованных приборов обнаружения тайников или захоронений, анализаторов запахов, звуков, пр.), а о кардинальном изменении целого ряда тактико-методических рекомендаций в связи с внедрением электронно-цифровых разработок, новейших возможностей в сфере IT, причем как в правоохранительной, так и в преступной деятельности. Нужно понимать, что в рамках этой работы мы говорим о цифровизации не как об отдельных технических устройствах или даже их совокупности, а как о процессе перехода от аналогового способа восприятия материальной стороны совершения преступления и, соответственно,

его выявления, раскрытия и расследования к цифровому.

В последние годы постоянно возникают новые криминалистические теории и направления исследований; криминалистическая ситуалогия (Т.С. Волчецкая)¹, теория криминалистического риска (Г.А. Зорин)², механизм преступной деятельности (А.Ф. Лубин, А.М. Кустов)³, криминалистическое обеспечение расследования (А.Ф. Волынский, Е.П. Ищенко)⁴, тактические операции в криминалистике (Н.Е. Мерецкий)⁵, преодоление противодействия расследованию (В.Н. Карагодин, Л.Я. Драпкина, В.П. Лавров)⁶, др.

Специалисты в области криминалистики обращают свое внимание на многочисленные методики, алгоритмы, программы, направленные на эффективное расследование преступлений. В последнее время были подготовлены и опубликованы труды по частным, групповым и видовым методикам расследования преступлений и общей теории расследования такими авторами, как И.В. Александров, А.И. Бастрыкин, Н.И. Ветров, А.Ф. Волынский, Б.Я. Гаврилов, Ю.В. Гаврилин, Ю.П. Гармаев, В.Н. Григорьев, В.И. Громов, А.И. Долгова, В.А. Жбанков, В.Д. Зеленский, Г. Г. Зуйков, Е.П. Ищенко, А.Н. Колесниченко, В.Е. Корноухов, В.Д. Корма, В. П. Колмаков, В.Г. Коломацкий, Ю.Г. Корухов, А.М. Кустов, О.С. Кучин, И.М. Лузгин, В.В. Лунев, М.Ш. Махтаев, Г.М. Меретуков, Н.А. Мерецкий, И.П. Можаяева, А.С. Подшибякин, Н.А. Селиванов, А.В. Смирнов, И.В. Тишутина, А.Н. Халиков, С.П. Щерба, Н.Г. Шурухнов и др., защищено множество кандидатских и докторских диссертаций.

¹ Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: монография / под ред. проф. Н.П. Яблокова. М.: Калинингр. ун-т. Калининград, 1997. 248 с.

² Зорин Г.А. Криминалистическая методология: монография. Минск: Амалфея, 2000. 608 с.

³ Лубин А.Ф. Механизм преступной деятельности: Методология криминалистической деятельности: монография. Нижегород. юрид. ин-т. Н. Новгород: НЮИ, 1997. 334 с.; Кустов А.М. Криминалистическое учение о механизме преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 355 с.

⁴ Волынский А.Ф. Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 65 с.; Ищенко Е.П. Криминалистика: курс лекций. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», АСТ-МОСКВА, 2007. 220 с.

⁵ Мерецкий Н.Е. Применение оперативно-тактических комбинаций в раскрытии и расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 475 с.

⁶ Карагодин В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. 388 с.; Драпкина Л.Я. Основы теории следственных ситуаций: монография. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 164 с.; Лавров В.П. Криминалистические основы расследования нераскрытых преступлений прошлых лет: монография. ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя». М.: Московский ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя, 2018. 155 с.

Развитию науки о судебно-экспертной деятельности и экспертному обеспечению расследования преступлений посвящали свои работы Т.В. Аверьянова, Ф.Г. Аминев, В.Ю. Владимиров, А.Ф. Волынский, С.М. Колотушкин, Н.П. Майлис, Т.Ф. Моисеева, Е.Р. Россинская, А.И. Усов, В.Н. Чулахов. Ими были разработаны комплексные научные рекомендации по рациональному, эффективному и качественному использованию специальных знаний на предварительном следствии, как на первоначальном, так и на последующих этапах расследования уголовных дел, по судебно-экспертному сопровождению следственной деятельности.

Специалистами были проведены научные исследования специфики всех этапов выявления, раскрытия и расследования преступлений, определены их функциональное содержание и криминалистические составляющие. Расширяется подход по изучению различных видов и групп преступлений, разработаны криминалистические характеристики, определены механизмы совершения этих преступлений, выявлены и изучены различные следственные ситуации, разработаны основные типовые методические рекомендации, которые должны быть использованы в процессе выявления, раскрытия и расследования, систематизированы задачи и определены методологические основы практически всех этапов расследования.

Параллельно с названными исследованиями учеными проведен подробный анализ проблем и причин слабого уровня криминалистического и организационного обеспечения выявления, раскрытия и расследования преступлений. В том числе исследованы организационно-тактические и ситуационные особенности взаимодействия следователя и сотрудников оперативных подразделений при расследовании преступлений, а также при проведении ими оперативно-тактических операций.

Одновременно ученые все более и более уделяют внимание внедрению в криминалистическую практику процесса цифровизации. В первую очередь постепенно формируется и развивается методика расследования компьютерных преступлений (глава 28 УК РФ) и киберпреступлений в целом. Расширяется применение цифровой фиксации процесса проведения и результатов следственных действий, методик экспертных исследований.

Необходимо понимать, что процессы цифровизации в общем и цифровизации преступной деятельности не столь взаимосвязаны, как принято думать. Ошибка в оценке наличия такой связки обусловлена тем, что о цифровизации криминалистики

заговорили задолго до момента «поворота винта»⁷ — т.е. до того, как процесс цифровизации и наступление посткомпьютерной эпохи затронули все сферы человеческой жизни и стали неотъемлемой частью государственной политики большинства стран мира на всех уровнях ее осуществления. Криминалистика заинтересовалась компьютеризацией в момент появления киберпреступности как явления, в ее широком или узком смысле. В отечественной системе наук киберпреступления в их частном виде — в виде преступлений в сфере компьютерной информации — были закреплены в нормах нового Уголовного кодекса РФ в 1996 г. И соответственно, именно в этот момент отечественная криминалистическая наука столкнулась с обязанностью обеспечивать процесс выявления, раскрытия и расследования этих преступлений. То есть цифровизация криминалистики началась за двадцать лет до того, как этот термин был обозначен в качестве основы и цели современной государственной политики России.

Потому работы по таким направлениям развития российской криминалистики, как совершенствование методологических основ, разработка и исследование электронно-технических источников криминалистической информации (электронные следы, компьютерные системы наблюдения, цифровые носители информации, компьютерные экспертизы и т.п.), создание на этой основе новых методических рекомендаций по расследованию вновь возникающих и постоянно изменяющихся прежних составов преступлений, их унификация и адаптация в современной практике правоприменения опережают работы по цифровизации в целом и цифровой криминалистике в частности на много лет.

Еще в 90-е годы прошлого века учеными-криминалистами исследовались различные компьютерные технологии, позволяющие быстро, эффективно и с высоким качеством изготавливать субъективные портреты; с начала 2000 г. описывались особенности и отличия фототаблиц к протоколам следственных действий, снятых на цифровую фотокамеру; позже — поисковые мероприятия в автоматизированных системах, в Интернете, в локальных сетях. Совершенствуется оборудование криминалистических лабораторий, в том числе передвижных, что влияет на результативность осмотров мест происшествий. При этом цифровизация и виртуализация позволяют сокращать количество единиц техники и повышают доступность технических средств в условиях удаленности от крупных интеллектуальных и технологических центров.

⁷ Буквально *paradigm shift* — термин, которым специалисты обозначают переход к виртуализации и фактическому началу посткомпьютерной эпохи, случившийся в 2008 г. при появлении облачных технологий как услуги. — *Прим. авт.*

В итоге за прошедший период компьютерные технологии прочно заняли соответствующее место в криминалистической технике. В связи с развитием высоких технологий в теории криминалистики активно рассматривается вопрос о проведении в ходе расследования преступлений такой процедуры, как онлайн-допрос (*допрос с помощью видео-конференц-связи*), который представляет собой специальный метод получения криминалистически значимой и доказательственной информации, осуществляемый при помощи использования определенных технологий связи⁸. Однако установить, насколько широким является это применение, достаточно сложно в силу множества причин. Одной из них является все еще неоднородный по качеству уровень интернетизации пространства страны⁹ и недоверие к «безбумажным» технологиям, которое сдерживает развитие этих исследований. К примеру, в 2007 г. доля онлайн-исследований в мире, по оценкам ESOMAR, составляла 20% всего объема исследований, а в России эти исследования, к сожалению, не превышали и 4–5 %¹⁰. На данный момент (2020 г.) эта доля увеличилась, однако говорить о всеобщности цифровизации при отсутствии однородного покрытия территории страны высокоскоростным и безлимитным беспроводным Интернетом — ошибка. Потому же ошибочно начинать рассуждать о внедрении цифровизации в науку, в которой, как и в медицине, достаточно значительная часть рекомендаций направлена на разрешение ситуаций при полном отсутствии профессионального ресурса.

В связи с изложенным, хотя практике применения компьютерных технологий в криминалистике уже почти четверть века, в научной общественности одновременно все эти годы ведутся споры об их качестве, целесообразности применения, причем как в общем понимании, так и в частности.

Как мы уже упоминали, ныне действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает проведение онлайн-процедур в ходе судебного разбирательства. Использование системы видеоконференций впервые было предусмотрено в 2011 г., и тогда же правовая норма, регламентирую-

⁸ Кучин О.С. Перспективы внедрения метода онлайн-допроса в ходе расследования преступлений // Научные труды. Российская академия юридических наук / под ред. Л.К. Голиченко, В.В. Гриба, Е.А. Сухопова, С.М. Шахрая, А.Е. Шерстобитова. Вып. 19. М.: Изд. группа «Юрист», 2019. С. 818–821.

⁹ Так, к сожалению, еще в 2009 г. в прокуратуре Еврейской автономной области не было возможности копировать или распечатывать на принтере материалы, и исследователям приходилось работать в архивах самостоятельно. Иными словами, процесс цифровизации сталкивается в том числе с проблемой материальной обеспеченности сотрудников правоохранительных органов самыми базовыми приборами, не говоря уже о высоких технологиях. — *Прим. авт.*

¹⁰ Кучин О.С. Указ. соч.

пчая рассмотрение дела в апелляционной инстанции, была дополнена ст. 278¹ УПК РФ. При помощи видеоконференций (ст. 389¹² УПК РФ) обеспечивается возможность осужденному лицу, содержащемуся под стражей и заявившему о своем желании присутствовать при рассмотрении апелляционной жалобы или прокурорского представления, причем такая возможность предоставляется на основании решения суда. Аналогичную возможность предоставил закон осужденному при рассмотрении дела в кассационной инстанции (ст. 401¹³ УПК РФ), если лицо содержится под стражей, отбывает наказание в колонии, в следственном изоляторе.

Специалисты неоднократно задаются вопросом, почему следователю предоставлены определенные полномочия в использовании цифровых технологий (например, он может сделать вызов лица на допрос с помощью СМС или с помощью звонка на телефон сотовой связи), он лишен законодателем возможности проводить онлайн-допрос так, как это может делать суд. При том что, как доказано криминалистикой, онлайн-допрос (допрос с помощью видео-конференц-связи) можно проводить и в ходе досудебного производства (предварительного расследования), непосредственно и лично следователем или дознавателем. Совершенно закономерно, что раз современные технологии позволяют это делать суду — причем с большим успехом, — очевидно, что применение таких цифровых технологий не представит большой сложности и для следователя (дознавателя).

К сожалению, такая позиция содержит целых два значительных заблуждения, как процессуального, так и общего характера, что приводит научную общественность к неверному, по сути, выводу. Рассмотрим эти заблуждения по очереди.

Самым главным заблуждением исследователей является то, что следует понимать под цифровыми, онлайн-, компьютерными и пр. технологиями. Действительно, если мы рассмотрим перечень используемых терминов, то их будет минимум четыре:

- цифровые технологии;
- компьютерные технологии;
- кибертехнологии;
- онлайн-технологии.

Если исходить из действующего на данный момент законодательства, определяющим и наиболее общим будет термин «цифровой», поскольку именно процесс цифровизации определяет социально-экономическое развитие нашей страны на данном этапе. Так вот, что же такое «цифровизация»? В науке встречается довольно большой массив определений, в той или иной мере объясняющих основу цифровизации — внедрения современных цифро-

вых технологий в различные сферы общественных отношений. Но мы предлагаем обратиться к основам этого термина — т.е. к понятию *digitalization*.

Если исходить из него, то цифровизация представляет собой процесс оцифровывания, т.е. перевода в цифровой формат. У понятия «цифровой», в свою очередь, имеется два основных значения:

- 1) тип сигнала и формата;
- 2) способ сохранения данных.

Как способ сохранения данных цифровой способ означает, что данные сохраняются в двоичном формате (т.е. в цифрах 1 и 0 или в так называемых битах — единицах измерения количества информации). Как тип сигнала и формата цифровой представляет собой противоположность аналоговому способу сигнала и формата, т.е. не битному, т.е. использующему дискретные¹¹, а не аналоговые состояния данных. В науке, не относящейся к высоким технологиям, для разделения цифровых и нецифровых сигналов предлагается в упрощенной форме именовать все способы и типы передачи и сохранения данных, которые выражаются в двоичном формате, цифровыми, а все иные (как материальные, так и нет, например радиосигналы) — аналоговыми. Таковой системе следуем и мы.

Отсюда сразу можно сделать вывод, что цифровизация в криминалистике может пониматься в узком и широком смыслах. И здесь возникает главная коллизия и главная проблема.

Рассматривая цифровизацию, как перевод информации в определенный тип формата и способ сохранения, мы должны исходить из главного их отличия от аналоговой информации (типа формата и способа сохранения, передачи). Стоит учитывать, что аналоговый формат не подлежит изменению с момента запечатления, в то время как цифровой формат, во-первых, в любой момент может быть переведен в аналоговый (печать цифровой фотографии, запись звука или видео на диск, печать документа на бумаге и пр.), во-вторых, до момента такого перевода цифровая информация может быть изменена в силу особенностей типа сигнала и цифрового способа ее сохранения (т.е. может быть изменено ее содержание).

Цифровая информация не является монолитной ни в одном из ее видов, представляя собой набор битов (двоичную систему хранения). Самым красноречивым примером цифровой информации является сохранение электронного документа в компьютере или, например, в облачной системе хранения.

¹¹ И хотя приравнивать дискретные и цифровые состояния не совсем верно с точки зрения физики, но цифровой сигнал — это сигнал, который можно представить в виде последовательности дискретных (цифровых) значений. — *Прим. авт.*

Любой цифровой документ не существует в том виде, в котором его привык воспринимать пользователь (в виде ярлыков, иконок, файлов и пр. на рабочем столе места хранения). Это лишь визуальное изображение, сделанное для удобства и появившееся после разработки оконной системы восприятия компьютерной информации. На деле любая цифровая информация — а все, что переведено в цифровой формат, имеет битное выражение и потому является цифровой информацией — хранится в дефрагментированном виде, т.е. не как единый монолитный файл. Привычный нам единый документ (воспринимаемый так его пользователем) на самом деле хранится в кластерах и секторах и приобретает единую визуальную форму лишь при открытии (запуске, входе в программу). Более того, при изменении, закрытии, сохранении и т.д. техническая характеристика приводит к изменению мест сохранения — тех самых кластеров — и с юридической точки зрения изменяет природу и содержание документа, перезаписывая его.

Иными словами, цифровой документ не существует в неизменном изначальном виде в той непосредственно воспринимаемой форме, как аналоговый документ, файл, способ хранения информации. Более того, в отличие от аналогового документа, который подразделяется на изначальный — т.е. оригинал, подлинник, и сделанные с подлинника копии, цифровой документ не только не сохраняет изначальных подлинных свойств, приобретенных им в момент создания, но и может быть переведен в аналоговые формы. Фотография и документ — распечатаны на бумаге, звук и видео — нарезаны на диск или записаны на пленку с цифрового носителя и т.д.

Отсюда у специалистов и правоприменителей возникает закономерный вопрос: что будет считаться подлинником, а что — копией? Являются ли копией распечатанные цифровые фотографии в фототаблице уголовного дела, и значит ли это, что суд должен исследовать подлинники, т.е. цифровые фотографии в изначальном формате? Утрачиваются ли качества подлинника при переносе цифровой фотографии с карты памяти или из памяти фотоаппарата, где они были сохранены в момент фотографирования, в память компьютера следователя или специалиста, на внешний жесткий диск или флеш-карту? И следует ли, исходя из всего этого, предоставлять суду для непосредственного изучения доказательств фотографии на том носителе, на котором они были запечатлены, без пересохранения, т.е. даже без открытия их для исследования и изучения следователем и специалистом? Меняются ли качества и достоверность фотографий, видео, аудиозаписи в зависимости от выбранного формата,

ведь формат влияет на свойства информации? Так, форматы *raw* и *jpeg* в фотографии по-разному поддаются редактированию в фоторедакторах, и соответственно, следы редактирования менее очевидны в первом и более — во втором формате и зависят от умений редактирующего лица. В ряде случаев даже специалист не сможет дать ответ на вопрос, подвергались ли цифровые подлинники редактированию или нет. Эти и множество других вопросов возникают только при первом рассмотрении понятия «цифровой» в криминалистике — и их много больше при более масштабном правовом и криминалистическом анализе.

Так, например, в Первомайском районном суде г. Владивостока рассматривалось уголовное дело, возбужденное по ст. 285 УК РФ в отношении гр. Н. В качестве ключевого доказательства вины Н. стороной обвинения были предоставлены результаты оперативно-розыскного мероприятия — негласной аудиозаписи (далее по тексту — ОРМ НАЗ), на которых был якобы запечатлен момент совершения преступления. Подсудимая отрицала содержание предоставленной записи и утверждала, что разговор был иным, в нем отсутствуют некоторые части, кардинально изменяющие его смысл.

Результаты ОРМ НАЗ были представлены суду в виде записи, произведенной на CD-диск, т.е. в аналоговой, а не цифровой форме, и заявлено, что совершить изменение такой записи и на таком носителе невозможно. На вопрос защитника, является ли диск подлинным носителем — т.е. производилась ли непосредственно запись на диск в ходе ОРМ представителем обвинения, был дан положительный ответ. Следовательно, сторона обвинения в судебном заседании подтвердила, что в ходе проведения ОРМ НАЗ запись велась непосредственно на диск при помощи специальной переносной техники, выданной потерпевшей.

Однако в ходе криминалистического исследования данного доказательства в судебном заседании защитник подсудимой Н. обратила внимание, что в акте передачи спецтехники лицу, участвующему в ОРМ, указана разная техника, которая была выдана для производства ОРМ НАЗ, а в качестве первичного носителя информации был указан диск. Приглашенный защитником в суд в качестве специалиста звукорежиссер одной из телестудий пояснил суду, что, во-первых, указанная техника не может производить запись на диск — т.е. производить лазерную нарезку звуковой дорожки прямо в момент ее запечатления, а значит, суд изучал не подлинник, а перезапись с подлинника, т.е. копию. Во-вторых, на момент производства аудиозаписи и рассмотрения дела судом производить непосредственную запись

звука на диск можно было только стационарной техникой в условиях профессиональной студии звукозаписи, но никак не при помощи переносной (портативной, оперативной) техники для осуществления ОРМ НАЗ. Все это позволило сделать вывод о том, что сторона обвинения не предоставила подлинник звукозаписи в суд, и в таких условиях не могли быть соблюдены принципы достоверности и непосредственности. По заключению специалиста, возможность дальнейшей искусственной редакции записи, ее фальсификация не могли быть исключены или опровергнуты, что ставило достоверность записи под сомнение¹².

Если же мы рассмотрим цифровизацию в широком смысле этого слова, то здесь криминалистика сталкивается с еще более серьезным испытанием — испытанием виртуализацией. Обратимся к истории.

Процесс развития вычислительной техники и информационно-вычислительных ресурсов подразделяется на несколько этапов, среди которых нам хотелось бы выделить электронный (начинающийся условно со второй половины 1940-х годов в США и Великобритании), выделенный сообразно поколениям электронно-вычислительных машин¹³. Этот этап наиболее близок к целям и задачам нашей статьи, поскольку подавляющее большинство крупных игроков сегодняшнего цифрового рынка начинали именно на этом этапе. ЭВМ последнего, четвертого поколения принадлежали разработчикам, чьи названия мы знаем до сих пор как монополистов глобального цифрового мира и современного развития науки кибернетики — это Apple, IBM, HP, Intel.

С последнего началась эра персональных компьютеров: первый универсальный микропроцессор Intel-8080, ставший стандартом микрокомпьютерной технологии и созданный в 1974 г., послужил основой для создания первых персональных компьютеров (ПК). В IBM, создавшей IBM/370, был реализован аппарат виртуальной памяти, позволяющий создавать для пользователя видимость неограниченных ресурсов оперативной памяти, предшественник современной идеи виртуализации, в частности облачных технологий. Apple Computers в 1977 г. запустила в серийное производство три модели ПК Apple-2. Так начала формироваться ПК-индустрия, которая не просто сделала мир компьютерным, но дала возможность обывателю стать частью новых отношений, касающихся сфер, не требующих обязательного материального выражения — отношений в виртуальной среде. Наступила эпоха персональных компьютеров, когда вычислитель-

ные мощности вышли за пределы громоздких машин, занимающих помещение размером с небольшой спортзал.

Тем не менее в 1999 г. впервые заговорили об эре пост-ПК. Профессор Массачусетского технологического университета США Дэвид Кларк, принимая участие в научной дискуссии на тему «Интернет после ПК», описал мир, в котором ПК не будет иметь такого значения, поскольку все, что нужно человеку в повседневной жизни, от телевидения до часов, тостера и очков, будет подключено к Интернету и, по сути, само станет компьютером¹⁴. Отметим, что до выхода на массовый рынок интернета вещей с его концепцией «умного дома», связанного через приложения со смартфоном пользователя, технологии блокчейн, и преобладания услуг облачных вычислений над стационарным программным обеспечением оставалось более пятнадцати лет.

Предметом этого обсуждения был вопрос о возможности выйти за пределы персональных компьютеров, поскольку потребительский рынок и особенности развития общественных отношений — повысившаяся мобильность человека — потребовали вычислительных устройств, не привязанных к рабочему столу в прямом смысле этого слова. Стивен Балмер, другой участник этой же дискуссии, отметил, что пусть ПК остается центральным вычислительным устройством массового потребления, но «очевидно, что существует потребность в не-ПК вычислительных устройствах»¹⁵. При этом компания Microsoft, деятельность которой послужила причиной обсуждения, отрицала возможность отхода от эпохи ПК и не признавала сам термин «посткомпьютерная эпоха».

В том же 1999 г., обсуждая проблему, касающуюся возможных путей развития индустрии ПК, Л. Пресс отметил следующие тенденции, которые могут захватить рынок и перевернуть представление о вычислительной технике: это микромобильные устройства, совмещающие функции ПК и переносного средства коммуникации в Интернете; это приспособления и устройства, не ассоциируемые с вычислительными функциями; развитие средств мобильной сотовой связи с уменьшением размеров телефонов; и, разумеется, ускорение связи, в представлении того времени — телефонной¹⁶.

Разумеется, Л. Пресс, опираясь на представленные в 1999 г. цифровые технологии, ошибся

¹² См.: Архив Первомайского суда г. Владивостока, 2008–2009 г.

¹³ Апокин И.А., Майстров Л.Е. История вычислительной техники. М.: Наука, 1990.

¹⁴ Lohr S. Economic view; Is Mr. Gates pouring fuel on his rivals' fire? // The New York Times, 18.04.1999. URL: <https://www.nytimes.com/1999/04/18/business/economic-view-is-mr-gates-pouring-fuel-on-his-rivals-fire.html>

¹⁵ Там же.

¹⁶ Larry J. Communications of the ACM Press, "Personal Computing: The Post-Pc Era", 42, no. 10 (1999).

в предположения относительно того, какими именно станут устройства. Упомянутые им Palm Pilot, карманные персональные компьютеры-коммуникаторы, более известные как КПК или «наладонники», выпускались всего одиннадцать лет — с 1996 г. по 2007 г. История компании Palm и технологии КПК показывает, насколько скоротечен рынок современной вычислительной техники XXI в. Бум карманных персональных компьютеров, так же как нетбуков и гуглбуков — небольших по размерам и возможностям мобильных ноутбуков, преимущественно предназначенных для работы в Интернете, а не офлайн, обещал многолетнее развитие тренда, тогда как в реальности с момента выхода на рынок первого КПК прошло чуть более десятилетия, равно до момента представления компанией Apple революционного iPhone, совместившего в себе передовые технологии с новым взглядом на форму продукта и его назначение. Помимо замещения рынка «наладонников», iPhone остановил и тенденцию уменьшения мобильных телефонов, показав, что потребитель готов приобретать более массивные¹⁷ по весу технические продукты, если они будут предоставлять ему больше возможностей, чем тонкие и легкие устройства производителей сотовых. Тогда же изменился и взгляд на цену телефона — iPhone был одним из самых дорогих из производимых на тот момент мобильных устройств (499–599 долл. США у официальных продавцов), не рассчитанных на сегмент luxury-потребления, что вовсе не остановило покупателей от очередей с целью покупки.

В том или ином смысле идеи, которые сейчас воплощены в конкретные потребляемые технологии, были высказаны задолго до того, как появилась возможность их практического воплощения. К примеру, в 80-х годах прошлого века Марк Вайзер и его коллеги из Xerox PARC обсуждали процессоры, перьевой ввод, беспроводную связь и осведомленность о местонахождении в здании (географическую локализацию), а также технологию, которую они называли *tabs* — «вкладками»¹⁸. В 1991 г. эти люди воображали, как будет выглядеть мир, в котором офисная работа будет базироваться на мобильных возможностях.

В 2011 г., представляя мировому сообществу второе поколение планшетного устройства Apple iPad (в настоящее время также называемого *tab* от *tablet*),

¹⁷ Для сравнения: первый iPhone, выпущенный на рынок в 2007 г., весил 138 г, т.е. практически вдвое превосходил по весу одну из самых популярных моделей телефонов Motorola Razr с весом в 98 г, и на 20 г выпущенную в тот же период самую популярную модель линии Razr — Motorola Razr2. — *Прим. авт.*

¹⁸ Weiser M. The computer for the 21st century // Scientific American. 1991. URL: www.ubiq.com/hypertext/weiser/SciAmDraft3.html

Стив Джобс, основатель компании, обратился к понятию посткомпьютерной эры, отметив, что он видит «будущее за посткомпьютерными устройствами, которые проще и понятнее привычных ПК»¹⁹. Пусть некоторые источники²⁰, опровергая возможность отказа от ПК, совершенно справедливо указывают, что, как бы ни менялся внешний вид вычислительной машины, ее основные функциональные элементы, как и в 1997 г., выполнены на электронных компонентах, причина смены вектора при выборе объекта общественных отношений в ином — развитие общества стало диктовать направленность прогресса в сфере потребления исходя из собственных нужд.

Так или иначе, но в процессе такого развития мир столкнулся с технологией виртуализации — переноса стационарных возможностей компьютера в Интернет, повлекшей отказ от стационарной компьютерной техники одного пользователя и в итоге возникновение облачных технологий.

За последние несколько лет использование облачных технологий перешагнуло границы лишь хранилища данных, которое позволяет клиенту оторваться от стационарного персонального компьютера. Вывод, сделанный в 2014 г. руководителем информационной службы «Голдман Сакс Груп» Мартином Чавезом, где он назвал облачные технологии третьим действительно важным открытием вычислительных технологий, подтвердился — облачные услуги заняли прочную позицию на рынке вычислительных услуг и продемонстрировали впечатляющую способность к адаптации и эволюции. Идея облачного регулирования, в большей степени сконцентрированная на соглашениях об оказании услуг, переросла в самостоятельную отрасль законодательства. Инициатива правительства Канады, благодаря которой в 2015 г. Четвертая рабочая группа ЮНСИТРАЛ занялась рассмотрением вопросов облачных услуг, спустя три года превратилась в реальный документ, а практически пустое правовое поле заполнилось национальными и экстерриториальными законами, призванными регулировать технологию, сущность которой заключается в стирании границ между материальным и нематериальным.

Тем не менее можно выделить и стабильные элементы этого феномена. Понятие облачных технологий все еще остается в пределах, что были установлены до 2014 г., а дефиниции того времени все так же актуальны и используются, что и ранее.

¹⁹ iPad 2: белое и черное по Стиву Джобсу (2 марта 2011). Официальный сайт компании Decr Apple. URL: <http://www.decrapple.com/news/39540.html>. — *Прим. авт.*

²⁰ Millard N.J. Talking to technology: will we be speaking to our gadgets in a post-PC world? Newgate : British Telecommunications, 2018.

По-прежнему наиболее широко признанным остается определение Национального института стандартов и технологий США²¹, согласно которому облачные технологии — это модель, обеспечивающая повсеместный, удобный доступ по требованию к общей сети изменяемых вычислительных ресурсов (например, сети серверов, систем хранения, приложениям или услугам), которые могут быть быстро предоставлены для использования с минимальными административными затратами или вмешательством со стороны поставщика услуг (провайдера)²².

Из этого определения можно выделить следующие компоненты облачных технологий, значимые не только для юристов технологического права, но и для юридических наук нового тысячелетия в целом.

1. Технологичность: признак описывает облачные технологии (или, если следовать второму из принятых в Российской Федерации переводов, — облачные вычисления) именно как технологии, не конкретизируя их вид как «сервис как услуга», «платформа как услуга», «инфраструктура как услуга» и пр. Тем самым описательная часть не сводится до упрощенного «база данных» или иного аналогичного термина, суживающего пространство его применения лишь до нескольких правоотношений.

2. Вычислительный характер: то, что в английском языке описывается термином *computing* и автоматически переводит облачные сервисы в область действия цифрового права и киберправа.

3. Отсутствие права собственности: облако предоставляется как услуга, или же услуга предоставляется через облако, поскольку на современном этапе оба утверждения верны. Пользовательский характер облачных технологий исключает право собственности на саму технологию, но при этом ограничивает круг доступа к конкретной услуге договором между провайдером и клиентом, т.е. желанием самого клиента, что приводит нас к возможности одномоментного доступа к одному конкретному облаку нескольких пользователей из разных частей света при помощи разных устройств.

4. Динамичный характер представляемой услуги: то, что скрывается за устоявшейся дефиницией «услуга по требованию» и определяет соотноше-

ние спроса и предложения, приобретающее как никогда буквальный характер — части технологической возможности и условия договора между сторонами, т.е. неюридическая и юридическая стороны одного свойства.

5. Предоставление через Интернет: как необходимое условие получения услуги, также известное как виртуализация или виртуализованность и означающее фактический отказ от единого и конкретного устройства доступа. Иными словами, при использовании облака информация больше не привязана к конкретному носителю, и отсюда не существует определенности в вопросах географической юрисдикции (действия права в пространстве), момента получения доступа, места доступа и пр.

На последнем из компонентов нам бы хотелось остановиться подробнее, поскольку именно это свойство, на наш взгляд, и обуславливает все остальные, а также превращает облачные технологии не только в революционную концепцию на рынке технологий, но и уникальный правовой феномен. Что же он означает для криминалистики?

Мы вновь хотели бы напомнить о посткомпьютерной эпохе, которая обязательно должна прийти на смену эпохе персональных компьютеров (ПК). В большинстве источников это утверждение раскрывается через отказ от классического персонального или настольного компьютера и переход к мобильным устройствам — ноутбукам, наладонникам, ультрабукам, смартфонам, планшетами, умным вещам и пр. Это толкование разумно и объяснимо, ведь элементы компьютерных вычислений перенесены на предметы, чье назначение намного больше, чем у классической «вычислительной машины» 80–90-х годов прошлого века, или же просто иное (как, например, у умной колонки Amazon, управляемой встроенным искусственным интеллектом). Однако есть еще одно толкование, часто упускаемое при описании развития IT и цифровой экономики, — это отказ от стационарности. При таком отказе постоянно повышающаяся мобильность и многофункциональность материального вложения программного обеспечения становится не объектом, а признаком, непосредственно влияющим на правовую оценку как самого предмета, так и огромного набора сложных, взаимопроникающих правоотношений и системы регулирующих их нормативных правовых актов.

Эту гипотезу можно подтвердить целым рядом уже существующих явлений, в том числе правового характера. Первым примером может стать феномен электронной коммерции — последнее, наряду с облачными технологиями, кардинальное изменение в уже принятые концепции, сочетающее в себе

²¹ National Institute of Standards and Technology (NIST) — подразделение Управления по технологиям США, одного из агентств Министерства торговли. Штаб-квартира — Гейтерсберг. С 1901 по 1988 г. назывался Национальное бюро стандартов США. Миссия института — в продвижении инновационной и индустриальной конкурентоспособности США путем развития наук об измерениях, стандартизации и технологий с целью повышения экономической безопасности и улучшения качества жизни. См. официальный сайт Института. URL: <https://www.nist.gov/>. — *Прим. авт.*

²² National Institute of Standards and Technology's (NIST). Final Version of NIST Cloud Computing Definition.

технический и нетехнический компонент, формирующий правовое своеобразие. Электронная коммерция повлекла за собой эволюцию целого ряда уже существующих правоотношений, в частности возникновение института рассмотрения споров онлайн (далее по тексту — РСО), который иногда ошибочно приравнивают к онлайн-арбитражу.

Явлениями этого же порядка становится и трансграничная передача данных, и смарт-контракты, и криптовалюта, и, разумеется, столь популярный в науке и практике концепт распределенных реестров (блокчейн).

Дальнейшие спорные вопросы цифровизации мы рассмотрим во второй части настоящей статьи.

Литература

1. Апокин И.А. История вычислительной техники / И.А. Апокин, Л.Е. Майстров. Москва : Наука, 1990.
2. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия : монография / Т.С. Волчецкая ; под редакцией Н.П. Яблокова. Москва ; Калининград : Калинингр. ун-т., 1997. 248 с.
3. Вольнский А.Ф. Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений : диссертация доктора юридических наук / А.Ф. Вольнский. Москва, 1999. 65 с.
4. Драшкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций : монография / Л.Я. Драшкин. Свердловск : Изд-во Уральск. ун-та, 1987. 164 с.
5. Зорин Г.А. Криминалистическая методология : монография / Г.А. Зорин. Минск : Амалфея, 2000. 608 с.
6. Ищенко Е.П. Криминалистика : курс лекций / Е.П. Ищенко. Москва : КОНТРАКТ ; АСТ-МОСКВА, 2007. 220 с.
7. Карагодин В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию : диссертация доктора юридических наук / В.Н. Карагодин. Екатеринбург, 1992. 388 с.
8. Кустов А.М. Криминалистическое учение о механизме преступления : диссертация доктора юридических наук / А.М. Кустов. Москва, 1997. 355 с.
9. Кучин О.С. Перспективы внедрения метода онлайн-допроса в ходе расследования преступлений / О.С. Кучин // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 19 / ответственный редактор В.В. Гриб ; под редакцией А.К. Голиченкова, Е.А. Сухонова, С.М. Шахрая, А.Е. Шерстобитова. Москва : Юрист, 2019. С. 818–821.
10. Лавров В.П. Криминалистические основы расследования нераскрытых преступлений прошлых лет : монография / В.П. Лавров. Москва : Московский ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя, 2018. 155 с.
11. Лубин А.Ф. Механизм преступной деятельности: Методология криминалистической деятельности : монография / А.Ф. Лубин. Нижний Новгород : НЮИ, 1997. 334 с.
12. Мерецкий Н.Е. Применение оперативно-тактических комбинаций в раскрытии и расследовании преступлений : диссертация доктора юридических / Н.Е. Мерецкий. Москва, 2001. 475 с.
13. Lohr S. Economic view; Is Mr. Gates pouring fuel on his rivals' fire? / S. Lohr // The New York Times. 1999. 18 April.
14. Millard N.J. Talking to technology: will we be speaking to our gadgets in a post-PC world? / N.J. Millard. Newgate : British Telecommunications, 2018. 10 p.
15. Press L. Personal computing: the post-PC era / L. Press // Communications of the ACM. 1999. Vol. 42. Iss. 10. P. 21–24.
16. Weiser M. The computer for the 21st century / M. Weiser // Scientific American. 1991. September.

References

1. Apokin I.A. Istoriya vy`chislitel'noy tekhniki [History of Computer Technology] / I.A. Apokin, L.E. Maystrov. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1990.
2. Volchetskaya T.S. Kriminalisticheskaya situologiya : monografiya [Criminalistic Situationology : monograph] / T.S. Volchetskaya ; pod redaktsiey N.P. Yablokova — edited by N.P. Yablokov. Moskva ; Kaliningrad : Kaliningr. un-t — Moscow ; Kaliningrad : Kaliningrad University, 1997. 248 s.
3. Volynskiy A.F. Kontseptualny`e osnovy` tekhniko-kriminalisticheskogo obespecheniya raskry`tiya i rassledovaniya prestupleniy : dissertatsiya doktora yuridicheskikh nauk [Conceptual Bases of Technological and Criminalistic Support of Solution and Investigation of Crimes : thesis of LL.D.] / A.F. Volynskiy. Moskva — Moscow, 1999. 65 s.

4. Drapkin L.Ya. Osnovy` teorii sledstvenny`kh situatsiy : monografiya [Fundamentals of the Investigative Situation Theory : monograph] / L.Ya. Drapkin. Sverdlovsk : Izd-vo Uralsk. un-ta – Sverdlovsk : publishing house of the Ural University, 1987. 164 s.
5. Zorin G.A. Kriminalisticheskaya metodologiya : monografiya [Criminalistic Methodology : monograph] / G.A. Zorin. Minsk : Amalfeya – Minsk : Amalfeya, 2000. 608 s.
6. Ischenko E.P. Kriminalistika : kurs lektsiy [Criminalistics : course of lectures] / E.P. Ischenko. Moskva : KONTRAKT ; AST-MOSKVA – Moscow : CONTRACT ; AST-MOSCOW, 2007. 220 s.
7. Karagodin V.N. Osnovy` kriminalisticheskogo ucheniya o preodolenii protivodeystviya predvaritelnomu rassledovaniyu : dissertatsiya doktora yuridicheskikh nauk [Fundamentals of the Criminalistic Doctrine on Overcoming Interference with Pre-Trial Investigation : thesis of LL.D.] / V.N. Karagodin. Ekaterinburg – Ekaterinburg, 1992. 388 s.
8. Kustov A.M. Kriminalisticheskoe uchenie o mekhanizme prestupleniya : dissertatsiya doktora yuridicheskikh nauk [Criminalistic Doctrine on the Crime Mechanism : thesis of LL.D.] / A.M. Kustov. Moskva – Moscow, 1997. 355 s.
9. Kuchin O.S. Perspektivy` vnedreniya metoda onlayn-doprova v khode rassledovaniya prestupleniy [Prospects of Introduction of the Online Interrogation Method in Crime Investigation] / O.S. Kuchin // Nauchny`e trudy`. Rossiyskaya akademiya yuridicheskikh nauk. Vy`p. 19 / otvetstvenny`y redaktor V.V. Grib ; pod redaktsiey A.K. Golichenkova, E.A. Sukhonova, S.M. Shakhrya, A.E. Sherstobitova. – Scientific Works. Russian Academy of Legal Sciences. Issue 19 / publishing editor V.V. Grib ; edited by A.K. Golichenkov, E.A. Sukhonov, S.M. Shakhray, A.E. Sherstobitov. Moskva : Yurist – Moscow : Lawyer, 2019. S. 818–821.
10. Lavrov V.P. Kriminalisticheskie osnovy` rassledovaniya neraskry`ty`kh prestupleniy proshly`kh let : monografiya [Criminalistic Fundamentals of Investigation of Unsolved Crimes of Past Years : monograph] / V.P. Lavrov. Moskva : Moskovskiy un-t MVD Rossii im. V.Ya. Kikotyа – Moscow : Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. 155 s.
11. Lubin A.F. Mekhanizm prestupnoy deyatel'nosti: Metodologiya kriminalisticheskoy deyatel'nosti : monografiya [The Mechanism of Criminal Activities: Methodology of Criminalistic Activities: monograph] / A.F. Lubin. Nizhny Novgorod : NYUI – Nizhny Novgorod : Nizhny Novgorod Law Institute, 1997. 334 s.
12. Meretskiy N.E. Primenenie operativno-takticheskikh kombinatsiy v raskry`tii i rassledovanii prestupleniy : dissertatsiya doktora yuridicheskikh nauk [Application of Operational and Tactical Combinations in Solution and Investigation of Crimes : thesis of LL.D.] / N.E. Meretskiy. Moskva – Moscow, 2001. 475 s.
13. Lohr S. Economic View; Is Mr. Gates Pouring Fuel on His Rivals' Fire? / S. Lohr // The New York Times. 1999. 18 April.
14. Millard N.J. Talking to Technology: Will We Be Speaking to Our Gadgets in a Post-PC World? / N.J. Millard. Newgate : British Telecommunications, 2018. 10 p.
15. Press L. Personal Computing: The Post-PC Era / L. Press // Communications of the ACM. 1999. Vol. 42. Iss. 10. P. 21–24.
16. Weiser M. The Computer for the 21st century / M. Weiser // Scientific American. 1991. September.

Сообщаем о возможности присвоения DOI ранее опубликованным или планируемым к публикации статьям в наших журналах!

По всем вопросам, связанным с присвоением DOI вашим статьям, просим обращаться по адресу электронной почты: ig@lawinfo.ru, с пометкой «DOI для статьи».

К вопросу о социально-правовой обусловленности уголовно-правового противодействия преступлениям, совершаемым с использованием электронных технологий, в России и Китае

Лютов Валерий Александрович,

преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса юридического факультета Забайкальского государственного университета, адвокат Палаты адвокатов Забайкальского края
lyutovva89@gmail.com

Цель. Данное исследование заключается в выявлении причин социально-правовой обусловленности установления уголовно-правовых запретов, совершаемых с использованием электронных технологий в России и Китае. Исходя из этого, обоснованным представляется исследование социально-правовой обусловленности установления уголовной ответственности в сфере электронных технологий, поскольку в отсутствие системы знаний об общественных отношениях, охраняемых уголовно-правовыми нормами, а также обстановки, в условиях которой принималось соответствующее нормотворческое решение, невозможно в полном объеме проанализировать его содержание и потенциальную эффективность. **Методология:** общенаучные и научно-специальные методы познания: анализ, синтез, формально-логический, формально-юридический, сравнительно-правовой. **Выводы.** Необходимость уголовно-правовой охраны сферы обращения высоких технологий от преступных посягательств обусловлена ее влиянием на сложившуюся структуру общественных отношений и появлением новых угроз государственной, общественной и личной безопасности граждан. Общественная опасность преступлений, совершаемых с использованием электронных технологий, имеет качественные отличия от негативного воздействия на общественные отношения, возникающего при применении исторически сложившихся способов противоправного поведения. Преступления, совершаемые с использованием электронных технологий, получили уголовно-правовую характеристику в законодательстве России и Китая постольку, поскольку возникли новые угрозы общественным отношениям, возникающим в результате оборота компьютерной информации и ее применения в коммерческих и некоммерческих целях. **Научная и практическая значимость.** Значимость проведенного исследования заключается в том, что впервые проводится сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства России и Китая в части установления ответственности за преступления, совершаемые с использованием электронных технологий. Практическая значимость исследования заключается в законодательной деятельности двух стран, путем совершенствования процессов унификации и дифференциации уголовно-правовых запретов, связанных с использованием электронных технологий.

Ключевые слова: электронные технологии, уголовно-правовые запреты, уголовно-правовое противодействие, компьютерная преступность, научно-технический прогресс, банковский счет, платежная карта, мошенничество с использованием электронных средств платежа, информационно-телекоммуникационные сети, Уголовный кодекс России, Уголовный кодекс Китая.

В современный период преступления, совершаемые с использованием электронных технологий, получили распространение во всех странах мира. С переходом на электронные технологии время заключения сделок сократилось до долей секунды¹; быстрота их заключения, в свою очередь, привела к увеличению рисков участия в них недобросовестных коммерсантов, вследствие чего в ряде государств уже сформировалась система правового контроля за использованием новых технологий в коммерческих целях. Не являются исключением в данном случае Российская Федерация и Китайская Народная Республика. В России технологическое совершенствова-

ние национальной экономики повысило востребованность профессиональных умений и навыков обращения с электронными технологиями². В Китае констатируется быстрый прогресс в области научно-технических инноваций³, а в условиях отказа от плановой экономики социалистического типа внедрение электронных технологий в народное хозяйство носит необратимый характер. В том числе в Китае создано 14 инновационных центров, реализующих планы эко-

¹ Колосовская Н.Н. Электронные денежные средства с точки зрения IT-технологий // Вестник Финансового университета. 2017. Т. 21. № 2. С. 100–105.

² Варшавский А.Е. Наукоемкие отрасли и высокие технологии: определение, показатели, техническая политика, удельный вес в структуре экономики России // Экономическая наука современной России. 2000. № 2. С. 61–83.

³ Fiche curie Republiquepopulaire de Chine // Ambassade de France en Chine: URL: https://cn.ambafrance.org/IMG/pdf/fiche_curie_2017_1_enseignement_superieur_chinois.pdf (дата обращения: 19.06.2020).

номической модернизации и осуществляющих исследования по ряду направлений (в частности, относящихся к обороту электронных денежных средств и повышению его безопасности⁴).

Сегодня электронные технологии играют важную роль в процессе современного развития рынка, его потребительской культуры, заставляя организации тратить силы и средства на внедрение и совершенствование товаров и услуг⁵. Электронная информация используется во всех сферах общественных отношений⁶. Научно-технический прогресс внес неоценимый вклад в совершенствование процедуры раскрытия и расследования преступлений, в повышение защищенности наиболее важных общественных отношений и принадлежащих людям материальных и нематериальных благ⁷. Однако инновационные технологии и иные достижения научно-технического прогресса вносят не только положительный вклад в развитие цивилизации, но и способствуют формированию новых разновидностей преступного поведения. Научно-технический прогресс оказывает воздействие на право в целом⁸, поскольку одним из своих итогов имеет трансформацию общественных отношений, а значит, и появление новых уязвимых точек, защита которых от деструктивного воздействия требует изменения законодательства.

В правовой доктрине преступность традиционно понимается в конфликтологическом контексте⁹. Будучи социальным явлением и отражая не только структуру девиантности¹⁰, но и готовность части населения удовлетворять собственные потребности с нарушением уголовно-правовых запретов¹¹, преступность характеризуется и интенсивным освоением новых приемов, рационализирующих совершение общественно опасных посягательств. По сути, в этом качестве преступность эволюционирует, модернизируется и приобретает новые качественные характеристики.

Исходя из этого, обоснованным представляется исследование социально-правовой обусловленности

установления уголовно-правовых запретов, поскольку в отсутствие системы знаний об общественных отношениях, охраняемых уголовно-правовыми нормами, а также обстановки, в условиях которой принималось соответствующее нормотворческое решение, невозможно в полном объеме проанализировать его содержание и потенциальную эффективность. В этой связи учеными уже обращалось внимание на необходимость учета таких критериев, как распространенность деяний, степень их угрозы для общества, неэффективность иных, чем уголовно-правовые, средств противодействия таким деяниям¹².

Руководствуясь этим, рассмотрим отдельные аспекты социально-правовой обусловленности уголовно-правового противодействия преступлениям, совершаемым с использованием электронных технологий.

Как известно, противодействие преступности представляет собой многовекторную деятельность. В действующем законодательстве она не имеет исчерпывающего и универсального определения.

В научной литературе понятия «противодействие преступности», «борьба с преступностью», «профилактика преступности», «предупреждение преступности» часто употребляются как синонимы¹³ либо разграничиваются по некоторым критериям (интенсивность, дистанция от момента совершения преступления, субъекты, способы, динамичность)¹⁴. Полагая более правильным разграничение, а не отождествление этих понятий, будем исходить в рамках предмета настоящего исследования из того, что противодействие преступности и отдельным группам (видам) общественно опасных посягательств охватывает уголовно-правовое, криминологическое, оперативно-розыскное и ряд других направлений. При их реализации происходит установление контроля над преступностью, и если этот процесс носит комплексный характер, то его интегрированным результатом становится сокращение количества преступлений, совершаемых в государстве¹⁵.

Уголовно-правовое противодействие преступности строится вокруг нормотворческих инициатив, направленных на криминализацию общественно опасных посягательств. Неэффективность использования одного лишь пunitивного, т.е. репрессивного, подхода, подразумевающего применение инструментов установления преступности и наказуемости

⁴ Бражник Е.И. Инновационные технологии развития научно-образовательной среды в университетах Китая и России // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2017. № 1. С. 48–56.

⁵ Информационные технологии в маркетинге / под ред. О.В. Карповой. М.: Юрайт, 2017. С. 7.

⁶ Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве: монография / отв. ред. С.В. Зуев. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 8.

⁷ Волынский А.Ф., Тишутина И.В. Криминологическое обеспечение и общественный прогресс // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 2. С. 10–16.

⁸ Козаев Н.Ш. Влияние научно-технических достижений на генезис уголовного права // Общество и право. 2012. № 5. С. 127–130.

⁹ Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. С. 47.

¹⁰ Гилинский Я.И. Криминология. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 91.

¹¹ Преступность, ее виды и проблемы борьбы / под ред. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2011. С. 17.

¹² Кригер Г.А., Кузнецова Н.Ф. Проблемы социальной обусловленности уголовного закона. М.: Юрид. лит., 1977. С. 34.

¹³ Криминология / отв. ред. В.Н. Бураков, В.П. Сальников, С.В. Степанши. СПб.: Лань, 1999. С. 235.

¹⁴ Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М.: Норма, 2001. С. 11.

¹⁵ Воронин Ю.А., Майоров А.А. Теоретические основы формирования системы противодействия преступности в России // Криминологический журнал Байкальского университета экономики и права. 2013. № 1. С. 7–16; Горшенков Г.Г. Антикриминальная безопасность личности: дис. ... д-ра юрид. наук. Ставрополь, 2009. С. 330.

общественно опасных посягательств, констатирована рядом ученых¹⁶. Однако, поскольку научно-технический прогресс в полной мере создает новые вызовы, качественно видоизменяющие исторически сложившиеся способы совершения преступлений, криминализация появляющихся общественно опасных посягательств становится неизбежной.

Вышеизложенное в полном объеме относится к преступлениям, совершаемым с использованием высоких технологий¹⁷. Высокие технологии получили всемирное распространение, стали «визитной карточкой» современного социокультурного пространства, одной из характеристик цивилизации. Основу феномена hitech составляют информационные технологии, базирующиеся на применении электронных способов формирования, модификации, обмена и уничтожения данных¹⁸.

В ответ на появление новых вызовов, относящихся к противоправным действиям в сфере компьютерной информации, при принятии Уголовного кодекса РФ, например, в его Особенную часть была включена специальная глава, в нормах которой устанавливалась ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272), создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273), нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274). В 2017 г. в российском законодательстве была установлена ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную структуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ). Кроме того, в характеристике более 40 преступлений законодателем использован квалифицирующий признак «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе, сети «Интернет»». Указанные нормы защищают совокупность общественных отношений, связанных с обеспечением безопасности государства, реализацией основных прав и свобод, взаимодействием личности и общества.

Одновременно российский законодатель учел и то обстоятельство, что в современный период повысилась распространенность использования (в том числе в сделках с участием физических лиц — потребителей товаров, работ, услуг) безналичных расчетов, осуществляемых с использованием электрон-

ных денежных средств или услуг интернет-банкинга. В этой связи в 2012 г. в Уголовный кодекс РФ была включена ст. 159.3 — мошенничество с использованием платежных карт. В 2018 г. она получила новую редакцию (мошенничество с использованием электронных средств платежа), а предусмотренное ею деяние было отграничено от хищений с банковского счета или хищений банковских карт, совершаемых другими способами (в частности, путем кражи (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ)). В то же время законодатель не в полном объеме учел то обстоятельство, что преступления, совершаемые с использованием электронных технологий, представляют собой фальсификацию компьютерной информации¹⁹. Пожалуй, только получение доступа к банковскому счету при завладении платежной картой и последующие манипуляции с ней (использование для личных покупок при введении реквизитов потерпевшего, расчет за товары на сумму, не требующую идентификации владельца карты) не включают этого признака. Однако и уже состоявшиеся законодательные решения дают основания полагать, что при совершенствовании положений Уголовного кодекса РФ был произведен учет той роли, которую сегодня играют электронные технологии.

Для сравнения: при принятии в 1997 г. Уголовного кодекса Китайской Народной Республики в его Особенной части были выделены три аналогичных деяния (ст. 272–274 УК КНР), а уже в 2000 г. перечень преступлений, совершаемых с использованием электронных технологий, вырос до 15²⁰. В мировой структуре зарегистрированных киберпреступлений деяния, совершенные в КНР или ее гражданами, уже в 2006 г. составляли 21,5% (тогда как относительно Российской Федерации эта доля достигла только 3,5%²¹).

На сегодняшний день оборот электронных денежных средств в странах Евросоюза, США, России, Китае исчисляется миллиардами долларов²². За первые десять лет действия Уголовного кодекса РФ 1996 г. количество преступлений, совершенных в этой сфере, выросло в России в 22,3 раза, причем до 43,5% уголовных дел было приостановлено в связи с неустановлением лица, подлежащего уголовной ответственности²³. Латентность преступлений названной группы

¹⁶ Хильгендорф Э. Пуллитивное законодательство и уголовно-правовая доктрина. Скептические замечания к некоторым руководящим терминам современной теории уголовного права // Вопросы российского и международного права. 2012. № 1. С. 111–141.

¹⁷ Высокие технологии (hightechnologies, hitech, hi-tech) — собирательное название наукоемких отраслей промышленности и их продукции. В том числе они охватывают расчеты с применением электронных денежных средств, банковские и другие продукты, обладающие возможностью беспрепятственного трансграничного оборота. — *Прим. авт.*

¹⁸ Жукова Е.А. Проблема классификации высоких технологий // Вестник ТГПУ. 2008. № 1. С. 34–46.

¹⁹ Лопашенко Н.А. Законодательная реформа мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы // Криминологический журнал Байкальского университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 3. С. 504–513.

²⁰ Вэй Фэн Я. Расследование компьютерных преступлений в Китайской народной республике : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 9–10.

²¹ Финансовые преступления с использованием сети «Интернет» // Интеркримпресс: URL: <https://www.icpress.ru/news/detail.php?ID=19915> (дата обращения: 12.05.2020).

²² Рабаданов А.Р., Гайбатова К.Д. Сравнительный анализ правового регулирования электронных денег в России и за рубежом // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 8. № 4. С. 133–136.

²³ Мазуров В.А. Преступность в сфере высоких технологий: понятие, признаки, общая характеристика, тенденции // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 1. С. 151–154.

чрезвычайно высока: от 90 до 97%²⁴. Согласно статистическим данным, в 2018 г. число преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий увеличилось с 65 949 (в 2017 г.) до 90 587; а в первом полугодии 2019 г. количество мошенничеств с использованием электронных денежных средств выросло в 7 раз²⁵.

Компьютерная преступность причиняет колоссальный ущерб политическим, социально-экономическим, информационным и иным отношениям. Даже однократная кибератака обходится крупным компаниям в сумму, составляющую порядка 20 млн руб., а предприятиям малого и среднего бизнеса — порядка 1 млн руб. Видовое разнообразие посягательств, совершаемых с использованием электронных технологий, включает до десятка параметров (в том числе кибершпионаж, кибервымогательство, нарушение неприкосновенности частной жизни, похищение информации о держателях банковских карт и др.)²⁶. Мошеннические действия, сопряженные с использованием электронных технологий, составляют до 30,2% российской компьютерной преступности²⁷.

С учетом того, что общее количество пользователей сети «Интернет», в том числе выступающих активными участниками дистанционной купли-продажи товаров и услуг или эксплуатирующих электронные банковские продукты, в России уже превысило 62 млн человек, а в Китае — 338 млн человек²⁸, риск совершения в отношении них противоправных посягательств представляется достаточно высоким. Эти данные отражают социально-правовую обусловленность установления уголовно-правовых запретов в сфере противоправного использования электронных технологий, поскольку служат наглядными показателями потенциальной распространенности соответствующих преступных деяний.

Таким образом, появление деяний, совершаемых с использованием электронных технологий, стало результатом преступного приспособления достижений научно-технического прогресса и появлением относительно безопасных способов совершения корыстных и некорыстных посягательств на чужое имущество и другие охраняемые законом общественные отношения. С увеличением их распространенности указанные деяния приобрели признак общественной опасности. Это, в свою очередь, создало условия для их последующей криминализации, которая в уголовном законодательстве России и Китая заняла практически 20-летний период.

²⁴ Айков Д., Сейгер Д., Фонсторх У. Компьютерные преступления. Руководство по борьбе с компьютерными преступлениями. М.: Мир, 1999. С. 5.

²⁵ Генеральная прокуратура РФ: число кибермошенничеств в РФ в 2018 году выросло в 7 раз // Вести. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/105315> (дата обращения: 23.04.2020).

²⁶ Евдокимов К.Н. Структура и состояние компьютерной преступности в Российской Федерации // Юридическая и правоохранительная практика. 2016. № 1. С. 86–94.

²⁷ Сведения о преступлениях, совершенных в сфере телекоммуникации и компьютерной информации. Сводный сборник

по России за январь — декабрь 2019 г. Ф-615. Кн. 1 // МВД России. URL: <https://mvd.ru>

²⁸ Паламарчук А.В. Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сети «Интернет». М.: Генеральная прокуратура РФ, 2017. С. 8–9.

Литература

1. Айков Д. Компьютерные преступления. Руководство по борьбе с компьютерными преступлениями / Д. Айков, Д. Сейгер, У. Фонсторх; перевод с английского В.И. Воропаева и Г.Г. Трехалина. Москва: Мир, 1999. 351 с.
2. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / А.И. Александров. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2013. 598 с.
3. Алексеев А.И. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы / А.И. Алексеев, С.И. Герасимов, А.Я. Сухарев. Москва: Норма, 2001. 481 с.
4. Бражник Е.И. Инновационные технологии развития научно-образовательной среды в университетах Китая и России / Е.И. Бражник // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2017. № 185. С. 48–56.
5. Варшавский А.Е. Наукоемкие отрасли и высокие технологии: определение, показатели, техническая политика, удельный вес в структуре экономики России / А.Е. Варшавский // Экономическая наука современной России. 2000. № 2. С. 61–83.
6. Волынский А.Ф. Криминологическое обеспечение и общественный прогресс / А.Ф. Волынский, И.В. Тишутина // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 2. С. 10–16.
7. Воронин Ю.А. Теоретические основы формирования системы противодействия преступности в России / Ю.А. Воронин, А.А. Майоров // Криминологический журнал Байкальского университета экономики и права. 2013. № 1. С. 7–16.
8. Вэй Фэн Я. Расследование компьютерных преступлений в Китайской Народной Республике: криминологические аспекты: диссертация кандидата юридических наук / Я. Вэй Фэн. Тула, 2006. 192 с.
9. Гишинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я.И. Гишинский. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2002. 377 с.

10. Горшенков Г.Г. Антикриминальная безопасность личности : диссертация доктора юридических наук / Г.Г. Горшенков. Ставрополь, 2009. 421 с.
11. Евдокимов К.Н. Структура и состояние компьютерной преступности в Российской Федерации / К.Н. Евдокимов // Юридическая и правоохранительная практика. 2016. № 1. С. 86–94.
12. Жукова Е.А. Проблема классификации высоких технологий / Е.А. Жукова // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2008. № 1. С. 34–46.
13. Информационные технологии в маркетинге : учебник и практикум для академического бакалавриата / под ред. О.В. Карповой. Москва : Юрайт, 2017. 367 с.
14. Козаев Н.Ш. Влияние научно-технических достижений на генезис уголовного права / Н.Ш. Козаев // Общество и право. 2012. № 5. С. 127–130.
15. Колосовская Н.Н. Электронные денежные средства с точки зрения IT-технологий / Н.Н. Колосовская // Вестник Финансового университета. 2017. Т. 21. № 2. С. 100–105.
16. Кригер Г.А. Проблемы социальной обусловленности уголовного закона / Г.А. Кригер, Н.Ф. Кузнецова. Москва : Юридическая литература, 1977. 122 с.
17. Криминология : словарь : учебное пособие для студентов вузов / ответственный редактор В.Н. Бурлаков, В.П. Сальников, С.В. Степашин. Санкт-Петербург : Лань, 1999. 254 с.
18. Лопашенко Н.А. Законодательная реформа мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы / Н.А. Лопашенко // Криминологический журнал Байкальского университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 3. С. 504–513.
19. Мазуров В.А. Преступность в сфере высоких технологий: понятие, признаки, общая характеристика, тенденции / В.А. Мазуров // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 1. С. 151–154.
20. Паламарчук А.В. Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сети Интернет / А.В. Паламарчук. Москва : Генеральная прокуратура РФ, 2017. 359 с.
21. Преступность, ее виды и проблемы борьбы / под редакцией А.И. Долговой. Москва : Российская криминологическая ассоциация, 2011. 370 с.
22. Рабаданов А.Р. Сравнительный анализ правового регулирования электронных денег в России и за рубежом / А.Р. Рабаданов, К.Д. Гайбатова // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 8. № 4. С. 133–136.
23. Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве : монография / ответственный редактор С.В. Зуев. Москва : Юрлитинформ, 2018. 244 с.
24. Хильгендорф Э. Пунитивное законодательство и уголовно-правовая доктрина. Скептические замечания к некоторым руководящим терминам современной теории уголовного права / Э. Хильгендорф // Вопросы российского и международного права. 2012. № 1. С. 111–141.

References

1. Icove D. Kompyuterny`e prestupleniya. Rukovodstvo po borbe s kompyuterny`mi prestupleniyami [Computer Crime: A Crimefighter's Handbook] / D. Icove, K. Seger, W. VonStorch ; perevod s angliyskogo V.I. Voropaeva i G.G. Trekhalina — translation from English by V.I. Voropaev and G.G. Trekhalin. Moskva : Mir — Moscow : World, 1999. 351 s.
2. Aleksandrov A.I. Filosofiya zla i filosofiya prestupnosti (voprosy` filosofii prava, ugovnoy politiki i ugovnogo protsesssa) [Philosophy of Evil and Philosophy of Crime (Issues of Philosophy of Law, Criminal Policy and Criminal Procedure)] / A.I. Aleksandrov. Sankt-Peterburg : Izd-vo SPbGU — Saint Petersburg : publishing house of the SPbSU, 2013. 598 s.
3. Alekseev A.I. Kriminologicheskaya profilaktika: teoriya, opy`t, problemy` [Criminologic Prevention: The Theory, Experience, Problems] / A.I. Alekseev, S.I. Gerasimov, A.Ya. Sukharev. Moskva : Norma — Moscow : Norm, 2001. 481 s.
4. Brazhnik E.I. Innovatsionny`e tekhnologii razvitiya nauchno-obrazovatelnoy sredy` v universitetakh Kitaya i Rossii [Innovative Technologies of Academic Development in Chinese and Russian Universities] / E.I. Brazhnik // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena — News of the Herzen State Pedagogical University of Russia. 2017. № 185. S. 48–56.
5. Varshavskiy A.E. Naukoemkie otrasli i vy`sokie tekhnologii: opredelenie, pokazateli, tekhnicheskaya politika, udelny`y ves v strukture ekonomiki Rossii [Knowledge-Intensive Industries and High Technologies: The Definition, Ratios, Technical Policy, Weight in the Russian Economic Structure] / A.E. Varshavskiy // Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii — Economic Science of Modern Russia. 2000. № 2. S. 61–83.
6. Volynskiy A.F. Kriminalisticheskoe obespechenie i obschestvenny`y progress [Criminalistic Support and the Social Progress] / A.F. Volynskiy, I.V. Tishutina // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki — News of the Tula State University. Economic and Legal Sciences. 2017. № 2. S. 10–16.

7. Voronin Yu.A. Teoreticheskie osnovy` formirovaniya sistemy` protivodeystviya prestupnosti v Rossii [Theoretical Bases of the Establishment of a Crime Combating System in Russia] / Yu.A. Voronin, A.A. Mayorov // Kriminologicheskij zhurnal Baykalskogo universiteta ekonomiki i prava — Criminological Journal of the Baikal University of Economics and Law. 2013. № 1. S. 7–16.
8. Wei Feng Ya. Rassledovanie kompyuterny`kh prestupleniy v Kitayskoy Narodnoy Respublike: kriminalisticheskie aspekty` : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [Investigation of Cybercrimes in the People's Republic of China: Criminalistic Aspects : thesis of PhD (Law)] / Ya. Wei Feng. Tula — Tula, 2006. 192 s.
9. Gilinskiy Ya.I. Kriminologiya: teoriya, istoriya, empiricheskaya baza, sotsialny`y control [Criminology: The Theory, History, Empirical Base, Social Control] / Ya.I. Gilinskiy. Sankt-Peterburg : Yuridicheskij tsentr Press — Saint Petersburg : Legal Center Press, 2002. 377 s.
10. Gorshenkov G.G. Antikriminalnaya bezopasnost lichnosti : dissertatsiya doktora yuridicheskikh nauk [Anti-Criminal Security of an Individual : thesis of LL.D.] / G.G. Gorshenkov. Stavropol — Stavropol, 2009. 421 s.
11. Evdokimov K.N. Struktura i sostoyanie kompyuternoy prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii [The Structure and Status of Cybercrime in the Russian Federation] / K.N. Evdokimov // Yuridicheskaya i pravookhranitel'naya praktika — Legal and Law Enforcement Practice. 2016. № 1. S. 86–94.
12. Zhukova E.A. Problema klassifikatsii vy`sokikh tekhnologiy [High Technology Classification Problem] / E.A. Zhukova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta — Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University. 2008. № 1. S. 34–46.
13. Informatsionny`e tekhnologii v marketinge : uchebnyy i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata [Information Technology in Marketing : textbook and workbook for academic bachelor studies] / pod red. O.V. Karpovoy — edited by O.V. Karpova. Moskva : Yurayt — Moscow : Urait, 2017. 367 s.
14. Kozaev N.Sh. Vliyaniye nauchno-tekhnicheskikh dostizheniy na genezis ugolovnogo prava [The Influence of Scientific and Engineering Achievements on Genesis of Criminal Law] / N.Sh. Kozaev // Obschestvo i pravo — Society and Law. 2012. № 5. S. 127–130.
15. Kolosovskaya N.N. Elektronny`e denezhny`e sredstva s tochki zreniya IT-tekhnologiy [Electronic Money from the IT Standpoint] / N.N. Kolosovskaya // Vestnik Finansovogo universiteta — Bulletin of the Financial University. 2017. T. 21 № 2. S. 100–105.
16. Kriger G.A. Problemy` sotsialnoy obuslovlennosti ugolovnogo zakona [Problems of Social Conditionality of Criminal Law] / G.A. Kriger, N.F. Kuznetsova. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1977. 122 s.
17. Kriminologiya : slovar : uchebnoye posobie dlya studentov vuzov [Criminology : dictionary : textbook for university students] / otvetstvenny`y redaktor V.N. Burlakov, V.P. Salnikov, S.V. Stepashin — publishing editors V.N. Burlakov, V.P. Salnikov, S.V. Stepashin. Sankt-Peterburg : Lan — Saint Petersburg : Lan, 1999. 254 s.
18. Lopashenko N.A. Zakonodatelnaya reforma moshennichestva: vy`nuzhdenny`e voprosy` i vy`nuzhdenny`e otvety` [A Legislative Reform of Fraud: Forced Questions and Forced Answers] / N.A. Lopashenko // Kriminologicheskij zhurnal Baykalskogo universiteta ekonomiki i prava — Criminological Journal of the Baikal University of Economics and Law. 2015. T. 9. № 3. S. 504–513.
19. Mazurov V.A. Prestupnost v sfere vy`sokikh tekhnologiy: ponyatiye, priznaki, obshchaya kharakteristika, tendentsii [Crime in the High Technology Sphere: The Concept, Attributes, General Characteristics, Tendencies] / V.A. Mazurov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of the Tomsk State University. 2007. № 1. S. 151–154.
20. Palamarchuk A.V. Prokurorskiy nadzor za ispolneniem zakonodatelstva v seti Internet [Prosecutor's Supervision over Enforcement of Laws on the Internet] / A.V. Palamarchuk. Moskva : Generalnaya prokuratura RF — Moscow : Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2017. 359 s.
21. Prestupnost, ee vidy` i problemy` borby` [Crime, Its Types and Combating Problems] / pod redaktsiei A.I. Dolgovoy — edited by A.I. Dolgova. Moskva : Rossiyskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya — Moscow : Russian Association for Criminology, 2011. 370 s.
22. Rabadanov A.R. Sravnitelny`y analiz pravovogo regulirovaniya elektronny`kh deneg v Rossii i za rubezhom [A Comparative Analysis of the Legal Regulation of Electronic Money in Russia and Abroad] / A.R. Rabadanov, K.D. Gaybatova // Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya — Success of Modern Science and Education. 2017. T. 8. № 4. S. 133–136.
23. Razvitiye informatsionny`kh tekhnologiy v ugolovnom sudoproizvodstve : monografiya [The Development of Information Technology in Criminal Proceedings : monograph] / otvetstvenny`y redaktor S.V. Zuev — publishing editor S.V. Zuev. Moskva : Yurilitinform — Moscow : Yurilitinform, 2018. 244 s.
24. Hilgendorf E. Punitivnoye zakonodatelstvo i ugolovno-pravovaya doktrina. Skepticheskie zamechaniya k nekotory`m rukovodyaschim terminam sovremennoy teorii ugolovnogo prava [Punitive Law and Criminal Law Doctrine. Skeptical Comments to Some of the Terms Governing the Contemporary Theory of Criminal Law] / E. Hilgendorf // Voprosy` rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava — Russian and International Law Issues. 2012. № 1. S. 111–141.

Новые способы мошеннических действий в период пандемии COVID-19 и их классификация

Старостенко Олег Александрович,

адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии

Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации

olegstaros94@gmail.com

Цель. Рассмотрение способа совершения преступлений как ключевого элемента характеристики преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в период действующих ограничений в России COVID-19; эмпирический анализ взглядов ученых-криминологов на способ совершения мошенничества; классификация способов компьютерных мошенничеств в период пандемии. **Методология:** при написании статьи автор использовал методы эмпирического (наблюдение за санитарно-эпидемиологической обстановкой в стране и за состоянием преступности) и теоретического исследования, посредством наблюдения, мониторинга и сравнения данных СМИ; информации, представленной официальными сайтами МВД России, Генеральной прокуратуры. **Выводы.** Анализ устоявшихся воззрений отечественных и зарубежных криминологов на способ совершения кибермошенничества позволяет сделать выводы об отсутствии специальных знаний о способе совершения преступления, криминологической классификации мошеннических действий и наличии различий в понимании способа совершения мошенничества в науках криминология, уголовное право и криминалистика. Использование предложенной автором классификации способов совершения мошенничества в будущем, по нашему мнению, позволит детально отражать онлайн-действительность в сознании субъекта, снизить процесс виктимизации личности и минимизировать виртуальные риски. **Научная и практическая значимость.** Содержащиеся в статье выводы и предложения могут быть использованы в процессе совершенствования законодательства в целях предупреждения мошенничества в глобальной сети «Интернет» и посредством телефонной связи, послужить материалом для дальнейших научных изысканий в области информационной и телекоммуникационной преступности. Сделанные выводы и предложения могут быть учтены при создании специальных программ, направленных на предупреждение мошенничества. Выводы и результаты статьи могут иметь практическое значение для разработки отдельных программ контроля над криминогенной виктимизацией населения и в правотворческой деятельности при совершенствовании российского законодательства.

Ключевые слова: способ, виктимологическая характеристика, жертва, COVID-19, интернет-мошенничество, криминологическая классификация, характеристика, IT-преступления, процедура защиты, система обнаружений.

Наряду с распространением глобальной пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 и началом действия режима самоизоляции активизировались мошенники в сфере IT-технологий, использующие введенные ограничения в преступных целях.

Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и человека 2 июня 2020 г. в своем обращении к гражданам Российской Федерации отмечает: «На фоне рисков распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 появились злоумышленники, предлагающие мирным лицам товары и услуги, "актуальные" в эпоху возникшей ситуации. Для обмана потребителей используются различные аспекты возникшей ситуации: оплата несуществующего штрафа, обязательное проведение платного анализа, услуги по поиску работы и др. Кроме того, мошенники пытаются проникнуть в квартиру с целью совершения кражи под новыми предлогами: визит врача, социального работника,

сотрудника компании, проводящей санитарную обработку помещений, и др.»¹.

В связи с введением ограничений в России резко возросло количество совершенных случаев мошеннических действий, а именно произошел рост информационно-телекоммуникационного мошенничества, о чем свидетельствует официальная статистика Генпрокуратуры: за четыре месяца 2020 г. число случаев такого мошенничества выросло на 78% по сравнению с первыми шестью месяцами 2019 г. Мошенничество является одним из самых распространенных преступлений в России².

¹ Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2 июня 2020 г.). URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news_details.php (дата обращения: 17.12.2020).

² Статистические данные о зарегистрированных преступлениях на территории Российской Федерации в мае — июне 2020 года. Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <http://genproc.gov.ru> (дата обращения: 16.12.2020).

По мнению А.В. Самойлова, способ совершения преступления в криминологическом аспекте начал рассматриваться в середине шестидесятых годов³ наряду с прогрессом науки уголовного права и криминалистики, но должного юридического внимания так и не получил.

В науке криминологии и на сегодняшний день конкретного определения способа совершения преступления нет, но, на наш взгляд, вполне справедливо под ним понимать действие или совокупность действий, совершаемых в определенном порядке и обладающих тремя основными свойствами:

- действия должны совершаться в процессе преступного деяния;
- направленность действий на достижение преступного результата;
- отражение индивидуальных особенностей преступления.

Полагаем, что способ совершения преступления необходимо рассматривать не просто как элемент механизма преступного поведения, но и его планирования. Г.Г. Шиханцов утверждает, что планирование преступного поведения зависит непосредственно от личности преступника и текущей обстановки, а способом совершения преступления выступает совокупность преступных приемов⁴.

Из данных определений следует сделать вывод о том, что важнейшим элементом характеристики IT-преступлений, совершенных в период пандемии COVID-19, выступает способ их совершения. Особенность совершения данного вида преступлений заключается в информационном характере способа действия преступника и построении доверительных отношений между виновным и жертвой.

Рассмотрим новые способы совершения мошеннических действий в период коронавирусной пандемии.

1. Использование уязвимости. Существующие требования социального дистанцирования привели к закрытию таких организаций, как университеты, правительственные учреждения, предприятия, детские сады и др. Режим дистанционного взаимодействия начал осуществляться с использованием приложений систем онлайн-обучения (LMS) и видеоконференцсвязи (Zoom). Масса случаев выявления и использования кибермошенниками уязвимостей в вышеупомянутых системах была зафиксирована и в нашей стране. Сообщается, что одна популярная, но уязвимая платформа была взломана из-за слабого

механизма безопасности и пароля, в результате чего злоумышленники смогли захватить сеансы видеоконференцсвязи и получить доступ к содержимому конференции.

2. Ложные благотворительные фонды. Преступники спекулируют человеческими чувствами: принуждают участвовать в благотворительных денежных сборах (пожертвования заразившимся коронавирусной инфекцией).

3. Создание фальшивых всемирных организаций здравоохранения, осуществляющих поддержку граждан в период пандемии. Кража осуществляется посредством перехода жертвы по сомнительной ссылке с целью ознакомления с новыми способами уничтожения коронавирусной инфекции.

4. Оказание помощи с пособиями. Злоумышленники запрашивают приватные данные жертвы для оформления несуществующих государственных компенсаций ущерба от распространенного вируса с целью незаконного обогащения. Также распространенной мошеннической схемой выступает отсрочка платежей и урегулирование взысканий по обязательной предоплате, после получения которой преступник скрывается.

5. Незаконное обогащение за счет введенного режима ограниченного передвижения. В сети «Интернет» появились сервисы, позволяющие узнать границы пешего маршрута, следуя по которому, не имея специального пропуска, лицо не будет являться административным правонарушителем. При осуществлении данной проверки жертве предлагается ввести данные банковской карты. Аналогичными способами мошенничества будут выступать: продажа пропуска на въезд и передвижение по городу и рассылка СМС-сообщений о выписанном штрафе за нарушение карантина или самоизоляции.

6. Продажа фейковых тестов на COVID-19, санитайзеров, перчаток и масок. Данный способ был распространен в период начала самоизоляции. Получив электронную ссылку на покупку товара, жертва попадает на фальшивый сайт и платит злоумышленнику.

7. Поддельные курьерские службы заказа еды и лекарств с обязательной оплатой заказа на сайте. Внешне сайты не имеют отличия от настоящих, но по факту оплата проходит в пользу злоумышленника.

Ранее на своем официальном сайте Сбербанк России опубликовал сведения о схемах мошенничества с трудоустройством на фоне вируса. Злоумышленники создают фейковые кадровые агентства, осуществляющие прием граждан на работу в удаленном формате. Соискатель вносит в анкету персональные данные, после чего получает письмо о принятии на работу и необходимости перевести деньги за «некое

³ Самойлов А.В. Учение о механизме совершения преступления: история возникновения и развития // Журнал Курского государственного университета. 2010. № 3 (15).

⁴ Шиханцов Г.Г. Криминология / ГрГУ имени Янки Купалы. URL: <http://ebooks.grsu.by/criminal/2-prichiny-i-usloviya-prestupnosti-nesovershennoletnikh-i-ikh-preduprezhdenie.htm> (дата обращения: 16.12.2020).

оборудование», в результате чего становится жертвой мошеннических действий⁵.

Указанный перечень способов совершения мошенничеств не является исчерпывающим. Наряду с прогрессом в сфере IT-технологий происходят изменения в преступной среде, отлаживаются новые схемы реализации противоправного умысла, что требует глубокого анализа и изучения данной проблематики.

Анализ устоявшихся воззрений отечественных и зарубежных криминологов на способ совершения кибермошенничества позволяет сделать выводы об отсутствии специальных знаний о способе совершения преступления, криминологической классификации мошеннических действий и наличии различий в понимании способа совершения мошенничества в науках криминология, уголовное право и криминалистика.

С целью противодействия развитию IT-мошенничества необходимо обязательное наличие системы криминологических знаний о способе совершения преступления. Введенные в стране ограничительные меры выступают дополнительным сигналом для более детального изучения криминологического понятия способа мошенничества.

Для более детального отражения онлайн-деятельности в сознании субъекта и снижения (недопущения) виктимизации личности, профилактики виктимного поведения, а также минимизации виртуальных рисков нами был проанализирован имеющийся и собранный материал, на основе которого разработана универсальная типология способов совершения кибермошенничества.

1. В зависимости от каналов коммуникации.

— Профили пользователей чатов и социальных сетей («ВКонтакте», «Одноклассники» и т.д.). Мошенники способны, взломав аккаунты друзей жертвы, отправлять приватные сообщения с просьбами оказать помощь и перевести срочно определенную денежную сумму, проголосовать.

— Система мгновенных сообщений (ICQ). Используются фишерами либо киберсквоттерами для обращения к пользователям данных программ в форме предложения неких товаров, услуг за небольшое количество денег. Зачастую мошенники преодолевают социальную дистанцию жертвы за счет притворства дальним родственником или бывшим коллегой.

— Онлайн-чаты. Публичные обращения, мошенничества с платежными системами, фишинг с рекламой, Ноах-программы.

— Индивидуальный персональный компьютер, ноутбук, планшет, смартфон юзера. Взломы ПК в виде вирусных атак, установкой баннеров и т.д.

— Веб-сайты. IT-мошенничество зачастую совершается на просторах интернет-сайтов, которые различаются между собой размещенным контентом и тематикой.

2. По области воздействия.

— Частная жизнь. В данную типологию считаем рациональным относить мошенничества, направленные на экспансивный отклик юзера — проведение благотворительных виртуальных акций, накрутка голосов рейтинга, просьба материальной помощи. Цель описанных действий заключается в психоэмоциональном давлении на чувства сострадания, сопереживания и милосердия жертвы. Наблюдается тенденция отправки онлайн-сообщений со сторонних аккаунтов (родственников, друзей). Это позволяет привлечь внимание и увеличить желание оказать немедленную помощь. Главная задача киберпреступника — создать идеальный образ, чтобы влюбить в него жертву и получить максимальную финансовую помощь.

— Область деловых отношений (профессиональная деятельность). В первую очередь в данную область необходимо включить киберсквоттинг и тайпсквоттинг (стремление и желание жертвы приобрести необходимый домен, находящийся в собственности мошенников), а также совокупность существующих в природе мошеннических способов, связанных с финансовыми извлечениями прибыли.

3. По референтивным средствам. IT-мошенничество можно и необходимо классифицировать по референтивным средствам, которые были использованы при его оформлении. Иными словами, разделить на оптическое, контекстное и совокупное.

К оптическим средствам, по нашему мнению, будут относиться созданные мошеннические образы и стили (всплывающие окна в виде баннеров, анимаций, 3D-картинок). Их используют при рассылке спам-сообщений, рекламных объявлений, продаже товаров и услуг.

Контекстные средства сопровождаются мошенническими действиями в тексте сообщений. Средой совершения таких действий зачастую выступают ICQ-чаты; социальные сети «ВКонтакте», Facebook, «Мой мир» и др.; способом совершения — Ноах-программы, тайпсквоттинг, фишинг.

И как следствие, совокупные включают в себя оптические образы и контекстные средства.

4. По степени психоэмоционального воздействия на жертву. Использование приемов убеждения, внушения, требования, запугивания и т.д.

Данная криминологическая классификация поможет избежать угрозы информационно-телеком-

⁵ Официальный сайт Сбербанка России. URL: <https://www.sberbank.ru/ru/person> (дата обращения: 18.12.2020).

муникационного мошенничества как в период действия ограничительных мер, так и в обычное время. Обеспечить необходимый уровень безопасности можно с помощью применения как традиционных способов, например регулярное обновление программного обеспечения, так и более сложных, основанных на использовании брандмауэров и систем обнаружения вторжений.

Рациональным направлением обобщения знаний о способе совершения мошенничества является обособление понятий от смежных наук (криминалистики и уголовного права). Обособление понятий решает юридическую проблему толкования способа мошенничества с различных позиций.

Ввиду постоянного прогресса IT-мошенничества назрела острая необходимость определить предметную область института способов совершения кибер-

мошенничества. Причинами, обуславливающими такую необходимость, выступают постоянно вносимые киберпреступниками коррективы и изменения в способ противоправной деятельности. Именно поэтому упомянутый институт, очевидно, должен входить не только в круг научных интересов деятелей самых различных отраслей гуманитарной науки, но и исследоваться строго в рамках предмета и метода соответствующей отрасли знания.

Способ совершения преступления является важным звеном характеристики противоправного деяния. Криминологические знания, точная классификация, а также наличие обособленного криминологического института способов мошенничества помогут избежать смешения и пересечения понятий, систематизировать данные, а также укрепить личную и имущественную безопасность.

Литература

1. Самойлов А.В. Учение о механизме совершения преступления: история возникновения и развития / А.В. Самойлов // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 3–2 (15). С. 122–124.
2. Старостенко О.А. Природа и способы совершения мошенничества, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / О.А. Старостенко // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2020. Т. 30 № 4. С. 576–582.
3. Шиханцов Г.Г. Криминология : учебное пособие / Г.Г. Шиханцов. Минск : Тесей, 2006. 296 с.

References

1. Samoylov A.V. Uchenie o mekhanizme soversheniya prestupleniya: istoriya vzniknoveniya i razvitiya [Doctrine on the Crime Commission Mechanism: Origination and Development History] / A.V. Samoylov // Ucheny`e zapiski. Elektronny`y nauchny`y zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific Notes. Electronic scientific journal of the Kursk State University. 2010. № 3–2 (15). S. 122–124.
2. Starostenko O.A. Priroda i sposoby` soversheniya moshennichestva, sovershaemogo s ispolzovaniem informatsionno-telekommunikatsionny`kh tekhnologiy [The Nature and Means of Commission of Fraud with the Use of Information and Telecommunication Technologies] // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo – Bulletin of the Udmurt University. Series: Economics and Law. 2020. T. 30. № 4. S. 576–582.
3. Shikhantsov G.G. Kriminologiya : uchebnoe posobie [Criminology : textbook] / G.G. Shikhantsov. Minsk : Tesey – Minsk : Theseus, 2006. 296 s.

Вы можете самостоятельно в режиме реального времени получать информацию о статусе статей, направленных для опубликования в ИГ «Юрист». Для этого необходимо отправить с вашего электронного адреса письмо на autor-rq@lawinfo.ru, в теме письма должна быть указана только фамилия, без имени, отчества и др. Обращаем ваше внимание, что адрес для запроса статуса статей отличается от контактного электронного адреса редакции.

Каждый автор может узнать статус только своих статей, направив запрос со своего электронного адреса.

В случае возникновения проблем с получением информации просим обращаться в редакцию по телефону: 8 (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

К вопросу о понимании цифровых финансовых активов

Цареградская Юлия Константиновна,

доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса (Одинцовский филиал) Московского государственного института международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО МИД России), доктор юридических наук, доцент ukmsal@mail.ru

Цель. В условиях развития цифровых технологий актуализируется вопрос существования и правового регулирования цифровых финансовых активов. В современной законодательной практике отсутствует единообразие терминологии данных отношений, в связи с этим особую актуальность приобретает рассмотрение возможности использования разных терминов от цифровой валюты до цифровых прав. В статье анализируются разные подходы к определению понятий, связанных с цифровыми финансовыми активами, предлагаемые специалистами, работающими не только в области права, но и экономики, поскольку важно учитывать возможность отражения цифровых активов в рамках бухгалтерского учета. В ходе исследования использовались как общенаучные, так и частно-научные **методы:** научная абстракция, системный, логический, анализа и синтеза, сравнительно-правовой и формально-юридический. Делаются **выводы** о том, что: 1) в результате многочисленных обсуждений правового регулирования цифровых финансовых активов государство определилось с терминологией в данных отношениях; 2) по мнению автора, наиболее удачным термином является понятие «цифровые финансовые активы», поскольку термин «актив» является используемым в российском законодательстве, в частности инвестиционном и налоговом; 3) российская практика правового регулирования использовала опыт зарубежных стран по внесению изменений в существующее законодательство, в частности в гражданское, расширив перечень объектов гражданских правоотношений. **Научная и практическая значимость** проведенного исследования заключается в том, что оно позволяет критически осмыслить существующие проблемы регулирования данных объектов, а также способствует развитию теоретических направлений по данной теме и формированию учебных материалов, посвященных цифровой экономике.

Ключевые слова: криптовалюта, финансовое право, финансовые активы, цифровые права, токен, цифровая экономика, бухгалтерский учет, регулирование, цифровые финансовые активы.

На свете много есть такого, друг Гораций, что и не снилось даже нашим мудрецам.

Уильям Шекспир

Российское законодательство проходит сложный путь по формированию правового регулирования всех аспектов, связанных с криптовалютой. Несмотря на изучение зарубежного опыта регулирования в данной сфере, современная практика отечественных отношений вырабатывает собственную терминологию для регулирования криптовалюты, токенов и пр. Подобный подход может усложнить регулирование данных отношений на международном уровне, так как необходимо будет понимать, как соотносить используемые понятия в Российской Федерации с существующими в других странах.

При первоначальном обсуждении регулирования криптовалюты на различных конференциях по данной проблематике использовался термин «цифровая сущность», который изначально вызывал у меня недоумение, но потом мне стало ясно, что его использование свидетельствует о многообразии различных понятий, к которым отечественная теория и тем более законодательство оказались не готовыми. Изначально начиналось обсуждение сущности и природы криптовалюты, которое показало, что есть еще одно

схожее с ней понятие — «токен», требующее детального изучения для понимания его содержания и соотношения с криптовалютой. Учитывая, что практика развивается намного стремительнее теории, времени для регулирования возникших новых институтов было очень мало, поэтому формирование российского законодательства изначально отставало от регулирования подобных вопросов в других странах. Исходя из подобной ситуации складывалось впечатление, что Россия заняла выжидательную позицию в этом вопросе, чтобы проанализировать и изучить практический опыт других стран.

Вместе с тем следует иметь в виду, что Российская Федерация входит в десятку лидеров стран с наибольшим количеством операций с криптовалютой, находясь на 2-м месте после США, по количеству пользователей криптовалютных бирж¹.

¹ Исследование: Россия заняла второе место в мире по количеству криптовалютных трейдеров. URL: <https://forklog.com/issledovanie-rossiya-zanyala-vtoroe-mesto-v-mire-po-kolichestvu-kriptovalyutnyh-trejderov/> (дата обращения: 22.06.2020).

Данная тенденция в том числе способствовала ускорению при решении вопроса о регулировании криптовалюты на территории Российской Федерации, что послужило поводом для появления ряда законодательных инициатив, в частности:

- «О цифровых финансовых активах»;
- «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)», в окончательной редакции этот закон получил название «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;
- «О системе распределенного национального майнинга»;
- «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», в настоящее время это Федеральный закон «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (Закон о цифровых правах);

— «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»².

Из приведенного массива актов часть стала правовой действительностью, а другая часть так и осталась в качестве законопроектов, которые, возможно, в будущем могут быть переработаны и станут правовыми актами, что и произошло с законопроектом, регулирующим цифровые финансовые активы.

По мнению ряда ученых, необходимость подобного регулирования созрела достаточно быстро, о чем свидетельствуют следующие факторы:

- стремительное развитие рынка криптовалют, в результате которого появляется неучтенный доход, не подлежащий налогообложению в силу отсутствия его регулирования, кроме того, данный доход со временем принимает форму заработной платы;
- соотнесение криптовалюты с материальным активом, что позволяет при банкротстве хозяйствующего субъекта обратиться на него взыскание (в принципе подобный случай в отечественной практике и

послужил причиной ускорения законодательного регулирования рассматриваемых вопросов)³.

Однако, несмотря на активное обсуждение терминов «криптовалюта», «токен», «цифровые финансовые активы», законодатель изначально вводит в гражданский оборот понятие «цифровые права» как новый объект гражданских правоотношений, а в дальнейшем возвращается к цифровым финансовым активам и криптовалюте.

Данная логика законодателя не совсем понятна, поэтому стоит проанализировать использование термина «цифровые финансовые активы» в современном контексте. Следует иметь в виду, что данное понятие характерно исключительно для российской правовой действительности, поскольку в зарубежной практике используется термин «цифровые активы» (*digital assets*), который имеет более широкое содержание, характеризующее отношения в киберпространстве.

При рассмотрении цифровых финансовых активов необходимо разобраться с отличиями между понятиями «виртуальный» и «цифровой». На первый взгляд кажется, что их можно рассматривать в качестве синонимов, но это не совсем верно. Согласно Толковому словарю русского языка, термин «виртуальный» трактуется как «несуществующий, но возможный»⁴. Современный экономический словарь предлагает определение виртуальности (от лат. *virtualis* — возможный) несколько иное, а именно: «...существование вещей, событий, процессов в форме мысленного представления, воображения, не вещественного образа, например, виртуальная реальность — умозрительное представление о действительности»⁵. Для обычного пользователя компьютерной техники данный термин связан с играми, в которых создаются новые, не существующие в реальности миры, что повлекло за собой появление термина «виртуальное имущество», представленного в компьютерных играх, например, оружием, артефактами, снаряжением и пр.

Термин «цифровой», согласно толковому словарю, имеет несколько значений: а) выраженный в цифрах; б) имеющий двоичный код; в) предназначенный для обработки, хранения и передачи соответствующей информации⁶. Подобное толкование связано с тем, что информация преобразуется в цифровую форму при использовании цифр 0 и 1. Видимо, исходя из подобного понимания термина

² Постановление ГД ФС РФ от 22 мая 2018 г. № 4030-7 ГД «О проекте федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» // СЗ РФ. 2018. № 22. Ст. 3108; Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418; Проект федерального закона № 373645-7 «О системе распределенного национального майнинга» // СПС «КонсультантПлюс»; Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224; Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

³ Полякова В.В., Токун Л.В. Становление рынка цифровых финансовых активов в Российской Федерации // Вестник ГУУ. 2019. № 6. С. 150.

⁴ Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М., 2006. С. 84.

⁵ Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.П. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. М., 2019. С. 66.

⁶ Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. Т. 3. Р – Я / Т.Ф. Ефремова. СПб., 2006. С. 973.

и был сделан выбор в его пользу для законодательного закрепления.

Возвращаясь к анализу понятия «цифровой финансовый актив», следует отметить, что он находится на стыке изучения экономической и юридической наук. В частности, понятие «финансовый актив» используется в контексте инвестиционной деятельности, поскольку согласно специальному законодательству инвестиции представляют собой «денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта»⁷. Классификация инвестиций, в зависимости от объектов, в которые они вкладываются, позволяет их разделить на несколько видов: реальные, нематериальные и финансовые инвестиции⁸. Именно последние и рассматриваются как вложение средств в финансовый актив, представляющий соглашение или договор, отражающий отношения владения и займа.

Поскольку финансовый актив имеет экономическое содержание и определенную ценность, то его определение присутствует и в налоговом законодательстве. В частности, ст. 142.1 Налогового кодекса РФ определяет его как денежные средства, а также ценные бумаги, производные финансовые инструменты, доли участия в капитале юридических лиц, права требования из договора страхования, а также любые иные финансовые инструменты, связанные с указанными видами активов⁹. Анализируя данное определение, видим, что «финансовые активы» и «цифровые финансовые активы» — два независимых понятия, хотя целесообразнее было представить цифровые финансовые активы как подвид финансовых активов.

В юридической литературе также отсутствует единообразие подходов к определению понятия «цифровые активы», а тем более понятия «цифровые финансовые активы». Например, Л.В. Санникова и Ю.С. Харитоновна указывают на тот факт, что цифровые активы имеют отличительные признаки, а именно: двоичный формат; наличие стоимости; право на их использование, поэтому к ним следует относить токены, криптовалюту, большие данные, виртуальное игровое имущество и пр.¹⁰

⁷ Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Финансовый менеджмент : в 2 ч. Часть 2. Инвестиционная и финансовая политика фирмы : учебник и практикум / И.Я. Лукасевич. М., 2019. С. 10.

⁹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

¹⁰ Санникова Л.В., Харитоновна Ю.С. Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. 2018. № 9. С. 86–95.

Н.Ю. Романова и С.В. Горбунов, не формулируя определения цифровых финансовых активов, предложили их следующую классификацию: а) по эмитенту: государственные, частные, коллективные и распределенные; б) по степени централизованности: централизованные, децентрализованные, частично централизованные; в) по встроенности в блокчейн: встроенные и не встроенные; г) по обеспеченности реальными активами и обязательствами: обеспеченные и не обеспеченные; д) по сфере применения связанности с видами экономической деятельности: связанные с маркетингом, технологической деятельностью, творческой деятельностью, с обработкой данных, с данными о клиентах и потребителях, с контрактами и договорными обязательствами, с человеческим капиталом, с земельными правоотношениями, с понятием «деловая репутация» и пр.; е) по алгоритму выпуска: выпускаемые в ходе одноразовой эмиссии в ограниченном определенном объеме; появляющиеся и/или исчезающие на разных этапах реализации проекта, жизни экосистемы в соответствии с заранее заложенным алгоритмом выпуска; эмиссия и ликвидация которых может производиться в любой момент и в любом объеме по решению эмитента; ж) по источнику поступления: внутренние, внешние и с частичным участием¹¹.

Ученые-экономисты, рассматривая обозначенные выше виды цифровых финансовых активов, предлагают их расширить за счет классификации объектов бухгалтерского учета¹². Например, В.А. Лутченко подразделяет все цифровые финансовые активы на производные финансовые инструменты (фьючерсы, опционы, свопы) и финансовые суррогаты (криптовалюта, токен)¹³. С.Э. Джаферова и Я.Э. Абузярова считают, что цифровые финансовые активы следует рассматривать как объекты нематериальных активов¹⁴. По их мнению, криптовалюта как цифровой финансовый актив, согласно актам бухгалтерского учета, отвечает одновременно нескольким условиям: а) объект способен приносить экономическую выгоду если не сразу, то в

¹¹ Романова Н.В., Горбунов С.В. Подходы к классификации и изучению природы цифровых финансовых активов. URL: <https://ицэип.рф/articles/18-podhody-k-klassifikacii-i-izucheniyu-prirody-cifrovyyh-finansovyh-aktivov.html> (дата обращения: 10.11.2020).

¹² См.: Пожарицкая И.М. Проблемы идентификации и признания цифровых финансовых активов в учете // Учет. Анализ. Аудит. 2018. Т. 5. № 6. С. 61–66; Булдыгин П.А., Журакинский В.С. Цифровые активы как новый вид нематериальных финансовых активов в деятельности организации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 5–1. С. 96–98.

¹³ Лутченко В.А. Совершенствование понятия «цифровой финансовый актив» в аспекте бухгалтерского учета // Материалы XIV Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов, преподавателей «Бухгалтерский учет, анализ и аудит: история, современность и перспективы развития». СПб., 2019. С. 104.

¹⁴ Абузярова Я.Э. Проблемы бухгалтерского учета криптовалюты // Актуальные вопросы современной экономики. 2019. № 4. С. 1305–1313.

будущем; б) хозяйствующий субъект имеет право на получение подобной экономической выгоды; в) присутствует возможность идентификации объекта; г) достоверное определение первоначальной стоимости объекта; д) отсутствие у объекта овестьственной формы¹⁵.

В связи с тем что теория не может определить с понятийным аппаратом относительно сущности и содержания цифровых финансовых активов, их соотношения с существующими понятиями в зарубежном правовом порядке, возникают сложности и со становлением их правового регулирования.

В настоящее время мы имеем, на мой взгляд, разрозненные нормы права, представленные в разных нормативных правовых актах, трактующих одно не совсем понятное через другое настолько же понятное.

Примером тому служит определение цифровых финансовых активов через термин «цифровые права», а потом еще предлагается и расшифровка понятия «цифровая валюта». Таким образом, обывателю предлагают три новых термина — «цифровые финансовые активы», «цифровые права» и «цифровая валюта», в содержании которых специалисту не так просто бывает разобраться.

Подобное решение законодателя помимо положительной оценки, связанной с тем, что отношения все-таки урегулированы, вызывает и ряд вопросов. В частности, как быть с регулированием процесса по созданию национальной криптовалюты или цифровой валюты, который набирает обороты, во многих зарубежных странах, включая и Российскую Федерацию, обозначившую возможность существования крипторубля, идея которого была заявлена еще где-то в 2017 г., но показавшаяся тогда какой-то фантастической¹⁶.

¹⁵ Приказ Минфина России от 27 декабря 2007 г. № 153н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Учет нематериальных активов» (ПБУ 14/07)» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ См.: Цареградская Ю.К. Проблемы правового регулирования цифровой валюты национальных банков // Юридическое образование и наука. 2020. № 2. С. 3–7.

Наличие многообразия терминов в отечественной практике в данной сфере, видимо, объясняется тем, что законодатель решил не использовать в российской действительности термины «криптовалюта» и «токен», заменив их чем-то универсальным — цифровыми правами и цифровыми финансовыми активами. Хотя подобная логика не совсем понятна, так как в федеральном законе, регулирующем инвестиционные платформы, введен термин «утилитарные цифровые права», представляющий собой право требования чего-либо (обозначенного в законе). В целом данный термин наводит на мысль об утилитарных токенах, известных в зарубежной юрисдикции. Кроме того, по мнению ряда специалистов, цифровые права, закрепленные в гражданском законодательстве, по своей природе аналогичны обеспеченным токенам, хотя законодатель решил и не использовать данный термин¹⁷.

Подводя итоги, следует отметить, что, несомненно, проделана огромная работа, связанная с формированием законодательства в данной сфере, однако предстоит еще большая работа по апробации введенных терминов в современные правоотношения, а также по формированию судебной практики по всем вопросам, связанным с цифровыми финансовыми активами.

На мой взгляд, целесообразнее было бы использовать термины, устоявшиеся в практике законодательного регулирования других стран, так как это позволит регулировать возникающие отношения на международном уровне и соотносить существующие явления и институты друг с другом.

Возможно, реальная действительность будет вносить изменения в законодательство, разновидности цифровых прав будут увеличиваться, что повлечет их классификацию в гражданском законодательстве.

¹⁷ Лоренц Д.В. Цифровые права в сфере недвижимости: юридическая природа и способы защиты // Российская юстиция. 2020. № 2. С. 57.

Литература

1. Абузярова Я.Э. Проблемы бухгалтерского учета криптовалюты / Я.Э. Абузярова // Актуальные вопросы современной экономики. 2019. № 4. С. 1305–1313.
2. Булдыгин П.А. Цифровые активы как новый вид нематериальных финансовых активов в деятельности организации / П.А. Булдыгин, В.С. Журакинский // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 5–1. С. 96–98.
3. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. Т. 3. Р — Я / Т.Ф. Ефремова. Санкт-Петербург : Астрель, 2006. 976 с.
4. Лоренц Д.В. Цифровые права в сфере недвижимости: юридическая природа и способы защиты / Д.В. Лоренц // Российская юстиция. 2020. № 2. С. 57–60.
5. Лутченко В.А. Совершенствование понятия цифровой финансовый актив в аспекте бухгалтерского учета / В.А. Лутченко // Бухгалтерский учет, анализ и аудит: история, современность и перспективы развития : материалы XIV Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов, преподавателей (г. Санкт-Петербург, 30 октября 2019 г.) : сборник научных статей / ответственный редактор Н.А. Каморджанова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический ун-т, 2019. С. 99–105.

6. Полякова В.В. Становление рынка цифровых финансовых активов в Российской Федерации / В.В. Полякова, Л.В. Токуп // Вестник университета. 2019. № 6. С. 150–153.
7. Райзберг Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева; под общей редакцией Б.А. Райзберга. 6-е изд., перераб. и доп. Москва : ИНФРА-М, 2019. 512 с.
8. Санникова Л.В. Правовая сущность новых цифровых активов / Л.В. Санникова, Ю.С. Харитонова // Закон. 2018. № 9. С. 86–95.
9. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд., доп. Москва : ИТИ Технологии, 2006. 938 с.
10. Финансовый менеджмент. В 2 частях. Часть 2. Инвестиционная и финансовая политика фирмы : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / И.Я. Лукасевич. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2019. 304 с.
11. Цареградская Ю.К. Проблемы правового регулирования цифровой валюты национальных банков / Ю.К. Цареградская // Юридическое образование и наука. 2020. № 2. С. 3–7.

References

1. Abuzyarova Ya.E. Problemy` bukhgalterskogo ucheta kriptovalyuty` [Problems of Cryptocurrency Accounting] / Ya.E. Abuzyarova // Aktualny`e voprosy` sovremennoy ekonomiki — Relevant Issues of Modern Economics. 2019. № 4. S. 1305–1313.
2. Buldygin P.A. Tsifrovyy`e aktivy` kak novy`y vid nematerialny`kh finansovy`kh aktivov v deyatelnosti organizatsii [Digital Assets as a New Type of Intangible Financial Assets in Corporate Activities] / P.A. Buldygin, V.S. Zhurakivskiy // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika — Economics and Business: Theory and Practice. 2019. № 5–1. S. 96–98.
3. Efremova T.F. Sovremenny`y tolkovy`y slovar russkogo yazy`ka. V 3 tomakh. T. 3. R — Ya [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language. In 3 volumes. Vol. 3. R — Ya] / T.F. Efremova. Sankt-Peterburg : Astrel — Saint Petersburg : Astrel, 2006. 976 s.
4. Lorents D.V. Tsifrovyy`e prava v sfere nedvizhimosti: yuridicheskaya priroda i sposoby` zaschity` [Digital Rights in Real Estate: The Legal Nature and Means of Protection] / D.V. Lorents // Rossiyskaya yustitsiya — Russian Justice. 2020. № 2. S. 57–60.
5. Lutchenko V.A. Sovershenstvovanie ponyatiya tsifrovoy finansovy`y aktiv v aspekte bukhgalterskogo ucheta [Improvement of the Concept of a Digital Financial Asset from the Accounting Standpoint] / V.A. Lutchenko // Bukhgalterskiy uchët, analiz i audit: istoriya, sovremennost i perspektivy` razvitiya : materialy` XIV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, aspirantov, prepodavateley (g. Sankt-Peterburg, 30 oktyabrya 2019 g.) : sbornik nauchny`kh statey / otvetstvenny`y redaktor N.A. Kamordzhanova — Accounting, Analysis and Audit: History, Modern Times and Development Prospects : files of the XIV international scientific and practical conference of students, postgraduate students, teachers (Saint Petersburg, October 30, 2019) : collection of scientific articles / publishing editor N.A. Kamordzhanova. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskiy gosudarstvenny`y ekonomicheskij un-t — Saint Petersburg : Saint Petersburg State Economic University, 2019. S. 99–105.
6. Polyakova V.V. Stanovlenie ry`nka tsifrovyy`kh finansovy`kh aktivov v Rossiyskoy Federatsii [The Establishment of the Market of Digital Financial Assets in the Russian Federation] / V.V. Polyakova, L.V. Tokun // Vestnik universiteta — University Bulletin. 2019. № 6. S. 150–153.
7. Rayzberg B.A. Sovremenny`y ekonomicheskij slovar [A Modern Dictionary of Economics] / B.A. Rayzberg, L.Sh. Lozovskiy, E.B. Starodubtseva; pod obschey redaktsiei B.A. Rayzberga. 6-e izd., pererab. i dop. — under the general editorship of B.A. Rayzberg. 6th edition, revised and enlarged. Moskva : INFRA-M — Moscow : INFRA-M, 2019. 512 s.
8. Sannikova L.V. Pravovaya suschnost novy`kh tsifrovyy`kh aktivov [The Legal Essence of New Digital Assets] / L.V. Sannikova, Yu.S. Kharitonova // Zakon — Law. 2018. № 9. S. 86–95.
9. Tolkovy`y slovar russkogo yazy`ka : 80 000 slov i frazeologicheskikh vy`razheniy [Explanatory Dictionary of the Russian Language : 80,000 words and phraseological units] / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. 4-e izd., dop. — 4th edition, enlarged. Moskva : ITI Tekhnologii — Moscow : ITI Technology, 2006. 938 s.
10. Finansovy`y menedzhment. V 2 chastyakh. Chast 2. Investitsionnaya i finansovaya politika firmy` : uchebnik i praktikum dlya bakalavriata i magistratury` [Financial Management. In 2 parts. Part 2. Corporate Investment and Financial Policy : textbook and workbook for bachelor and master studies] / I.Ya. Lukasevich. 4-e izd., pererab. i dop. — 4th edition, revised and enlarged. Moskva : Yurayt — Moscow : Urait, 2019. 304 s.
11. Tsaregradskaya Yu.K. Problemy` pravovogo regulirovaniya tsifrovoy valyuty` natsionalny`kh bankov [Problems of the Legal Regulation of the Digital Currency of National Banks] / Yu.K. Tsaregradskaya // Yuridicheskoe obrazovanie i nauka — Legal Education and Science. 2020. № 2. S. 3–7.

LEGAL EDUCATION AND SCIENCE

No. 2
2021

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATION JOURNAL. REGISTERED AT
THE STATE PRESS COMMITTEE. Registration PI No. FC77-29362
August 23, 2007.

Problems of the Development of Legal Education in Russia in the Second Half of the XIX to the Early XX Century

Tarakanova Natalya G., Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Saransk Cooperative Institute of the Russian University of Cooperation, PhD (History), Associate Professor

Purpose. The priceless historical legacy that the 19th century left us, including in the development of legal science and education, requires a comprehensive, deep understanding. The trends in the development of legal education are important to follow and take into account the experience of solving the problems faced by post-reform Russia when choosing methods and approaches to higher legal education, to consider the opinions of contemporaries about the quality of legal training. **Methodology:** methods of dialectical logic, historical-legal, historical-dynamic and causal analysis were used. **Conclusions.** A serious incentive to increase the prestige of legal education was the introduction of an educational qualification for obtaining positions in the new judicial system. At the same time, it was necessary to search for an optimal model for training legal personnel capable of implementing the principles proclaimed by the judicial reform in practice. Attempts were made to find a balance between obtaining fundamental theoretical knowledge and obtaining practical legal skills. **Scientific and practical significance.** Modern universities that train lawyers face problems that are largely consonant with those that Russia faced in the second half of the XIX – early XX centuries. This primarily concerns the quality of legal personnel training, the formation of competencies aimed at developing legal thinking, and the readiness to make legal decisions independently. In this regard, the experience of the past can suggest the right approaches when choosing modern standards and teaching models.

Keywords: legal education, science, student, judicial reform, university charter, department, lecture, practical lesson, teaching methods, professional skills.

Transformation of Legal Education in the Conditions of Digitalization, Information Technology and LegalTech Projects Development

Shakhnazarov Benjamin A., Associate Professor of the Department of Private International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), PhD (Law), Associate Professor

The purpose of the article is the determination of the meaning and directions of the efficient use of information technology in the development of modern legal education. The **methodology** of the research carried out in this article consists in a complex review of present-day challenges and problems of legal education in the conditions of digitalization, widespread distribution of information technology and LegalTech projects based on analysis, deduction, formal legal and comparative methods. **Conclusions.** The author notes the great importance of the development, deployment and advancement of cutting edge computer educational system, changing the student training method (application of distant learning systems, interactive law teaching methods, application of presentation technology, use of inter-disciplinary technologies, modern methods of comparative legal studies, legal translation, etc.), development of clinical legal education with the use of information technology, teaching future lawyers the bases of coding, inter-disciplinary and inter-university cooperation against the background of the required transformation of legal education. The development of blockchain skills, LegalTech tools, controlled use of artificial intelligence within the statutory established limits seems the main direction of the transformation and improvement of the world's legal education. **Scientific and practical relevance.** The carried out analysis of various aspects of the transformation of legal education in the conditions of digitalization, information technology and LegalTech project advancement is aimed at helping students, lecturers, curriculum developers to set up optimal educational processes with the use of information technology. Opinions on the use of information technology in the legal practice, implementation of LegalTech projects can be used by lawyers in practice.

Keywords: legal education, information technology, tendencies, LegalTech projects, coding, blockchain, artificial intelligence, jurisprudence, lawyers, IT specialists.

The Consumer Aspect of Educational Legal Relationships

Litvinova Tatyana A., Legal Counsel at the Legal Department of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Graduate Student of the Department of Civil and Administrative Proceedings of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Purpose. Research of problems arising in law enforcement practice for the protection of the rights of consumers of educational services. Differentiation of judicial and other ways of protecting educational rights. The correlation of the standards for educational and consumer legislation in resolving disputes on protection of rights of consumers of educational services. **Methodology:** dialectics, analysis, synthesis, induction and deduction, formal legal method. **Conclusions.** The legislation on consumer protection applies exclusively to educational services provided on the basis of full reimbursement of training costs, i.e. under the appropriate commutative contracts for the provision of educational services. In order to apply measures to protect the rights of a consumer acting in good faith, it is necessary in each case to establish the scope of service provision in comparison with the degree course scheme. Consumer demands for a significant reduction in the cost of paid educational services in the absence of real grounds are a manifestation of «consumer extremism». **Scientific and practical significance.** The results obtained in this article can be used in further research to solve the problem, in scientific and pedagogical activities, and in law enforcement activities of bodies dealing with specific disputes. These provisions can also be useful to consumers, since the correct choice of the procedure and method of protection accelerates the achievement of the goal of protecting the violated right.

Keywords: educational legal relations, paid educational services, consumer rights, choosing the appropriate method of protection, judicial protection of educational rights, consumer extremism.

The Definition of Digital Criminalistics as the Origin of a Misleading Direction in Science. Part 1

Kuchin Oleg S., Professor of the Department of Forensic Examinations and Criminalistics of the Russian State University of Justice (RSUJ), Member of the Russian Academy of Natural History (RANH), Honored Scientist and Engineer of the Russian Academy of Natural History (RANH), LL.D., Associate Professor

Kuchina Yaroslava O., Doctoral Student of the University of Macau (Macau SAR, the PRC), PhD (Law), Associate Professor, LL.M.

Purpose. To compare and analyze the trend of appearance of the pseudo-term “digital criminology” in the science of criminology and prove that this is incorrect. **Methodology:** induction, deduction, synthesis, analysis, formal legal method, comparative legal method, logical method. **Conclusions.** The evolution of methods of committing crimes and instruments of crime does not always require the evolution of the science of criminology and the emergence of its varieties. You just have to assess the prospects of extrapolative ways and methods of proving the circumstances of the crimes in the era of digitalization of social relations, in terms of the provisions of modern criminal law and only criminal-legal research unit. The definition of “digital criminalistics”, which has recently appeared in science, actually misleads the scientific community with its novelty and originality, since such criminalistics in nature does not exist a priori. It is necessary to speak only about forensic or expert research of carriers of digital (electronic or computer) information. In criminalistics, it is logical to develop a new direction—the forensic study of electronic media of digital information and the use of computer expertise in establishing all the circumstances of the crime committed. And this is just a new section of forensic technology, studying a new subject of research for this naki. Here, the traditional forensic methodology should be applied, which will be aimed “atlinking” the electronic carrier of digital information and the digital information itself to a specific crime and to a specific person. **Scientific and practical significance.** The research is aimed at orienting forensic theory and practice towards the study of specific objects and contributes to the fact that all these studies are further applicable to the practice of crime investigation, and not only for theoretical purposes.

Keywords: criminalistics, digital media of digital information, computer science, electronics, neural networks, investigator, investigation.

On the Socio-Legal Conditionality of Criminal Combating of Crimes Involving the Use of Electronic Technologies in Russia and China

Lyutov Valeriy A., Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Law Faculty of the Transbaikalian State University, Lawyer of the Chamber of Lawyers of the Transbaikalian Territory

Purpose. This research is aimed at identifying the reasons for the social and legal conditionality of establishing criminal bans committed using electronic technologies in Russia and China. Based on this, it is reasonable to study the socio-legal conditionality of establishing criminal liability in the field of electronic technologies, since in the absence of a system of knowledge about public relations protected by criminal law, as well as the environment in which the relevant normative decision was made, it is impossible to fully analyze its content and potential effectiveness. **Methodology:** general scientific and private scientific methods of cognition: analysis, synthesis, formal logical, formal legal, comparative legal. **Conclusions.** The need for criminal law protection of the sphere of high-tech circulation from criminal attacks is due to its influence on the existing structure of public relations and the emergence of new threats to the state, public and personal security of citizens. The public danger of crimes committed with the use of electronic technologies has qualitative differences from the negative impact on public relations arising from the use of historically established methods of illegal behavior. Crimes committed with the use of electronic technologies have

received a criminal-legal characterization in the legislation of Russia and China insofar as there are new threats to public relations arising from the circulation of computer information and its use for commercial and non-commercial purposes. **Scientific and practical significance.** The significance of the research is that for the first time a comparative legal analysis of the criminal legislation of the Russian Federation and the People's Republic of China is conducted in terms of establishing responsibility for crimes committed using electronic technologies. The practical significance of the research lies in the legislative activity of the two countries, by improving the processes of unification and differentiation of criminal law prohibitions related to the use of electronic technologies.

Keywords: electronic technologies, criminal law prohibitions, criminal law counteraction, computer crime, scientific and technological progress, bank account, payment card, fraud using electronic means of payment, information and telecommunications networks, criminal code of Russia, criminal code of China.

New Methods and Classification of Fraudulent Actions during the COVID-19 Pandemic

Starostenko Oleg A., Junior Scientific Assistant of the Department of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

Purpose. Consideration of the method of committing crimes as a key element of the characteristics of crimes committed using information and telecommunication technologies during the period of current restrictions in Russia COVID-19; empirical analysis of the views of criminologists on the way of committing fraud; classification of methods of computer fraud during a pandemic. **Methodology:** when writing the article, the author used the methods of empirical (observation of the sanitary and epidemiological situation in the country and the state of crime) and theoretical research, through observation, monitoring and comparison — data from the media; information provided by the official websites of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the General Prosecutor's Office. **Conclusions.** An analysis of the established views of domestic and foreign criminologists on the method of committing cyber fraud allows us to draw conclusions about the lack of special knowledge about the method of committing a crime, criminological classification of fraudulent actions and the presence of differences in understanding the method of committing fraud in the sciences of criminology, criminal law and forensics. The use of the classification proposed by the author of the ways of committing fraud in the future, in our opinion, will allow to reflect in detail the online reality in the mind of the subject, reduce the process of victimization of the individual and minimize virtual risks. **Scientific and practical significance.** The conclusions and proposals contained in the article can be used in the process of improving legislation in order to prevent fraud on the global Internet and through telephone communications, serve as material for further scientific research in the field of information and telecommunications crime. The conclusions and suggestions made can be taken into account when creating special programs aimed at preventing fraud. The conclusions and results of the article may be of practical importance for the development of separate programs for control over the crime of victimization of the population and in lawmaking activities while improving the Russian legislation.

Keywords: method, victimological characteristic, victim, COVID-19, Internet fraud, criminological classification, characteristic, IT crimes, protection procedure, detection system.

On Understanding of Digital Financial Assets

Tsaregradskaya Yulia K., Associate Professor of the Department of Civil and Arbitration Procedure (the Odintsovo Branch) of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University), LL.D., Associate Professor

Purpose. In the context of the development of digital technologies, the issue of the existence and legal regulation of digital of financial assets is being updated. In modern legal practice, there is no uniformity in the terminology of these relations, so it is especially important to consider the possibility of using different terms from digital currency to digital rights. The article analyzes various approaches to defining the concept of cryptocurrency offered by specialists working not only in the field of law, but also in economics, since it is important to consider the possibility of reflecting digital assets in accounting. In the course of the research, both General scientific and private scientific **methods** were used: scientific abstraction, system, logical, analysis and synthesis, comparative legal and formal legal. **Conclusions** are made that: 1) as a result of numerous discussions about the legal regulation of digital of financial assets, the state has decided on the terminology in these relations; 2) according to the author, the most successful term is the concept of "digital financial assets", since the term "asset" is used in Russian legislation, in particular investment and tax; 3) Russian legal practice has used the experience of foreign countries when making changes to existing legislation, in particular in civil, expanding the list of objects of civil legal relations. **Scientific and practical significance.** This research allows us to critically understand the existing problems of cryptocurrency regulation, as well as contributes to the development of theoretical directions on this topic and the creation of educational materials dedicated to the digital economy.

Keywords: cryptocurrency, financial law, financial assets, digital rights, token, digital economy, accounting, regulation, digital of financial assets.

Требования к авторам журнала «Юридическое образование и наука» по оформлению научных статей

Аннотация — от 1 300 до 2 000 знаков.

Обязательные разделы аннотации:

1. Цель.
2. Методология.
3. Выводы.
4. Научная и практическая значимость.
5. Ключевые слова.

Ключевые слова: 10–12 слов и словосочетаний (словосочетания — не более двух слов).

Автор переводит название статьи и аннотацию на английский язык самостоятельно. Редакция оставляет за собой право попросить автора улучшить представленный перевод.

На английский язык автор также переводит свои фамилию, имя и должность.

Статья

Полностью ФИО автора, указать должность, ученую степень и звание, электронную почту — обязательно.

Не менее 10 страниц через 1,5 интервала (без учета аннотации), не более 20 страниц.

27 000–37 000 знаков с аннотацией, не более 20 страниц.

Не менее 3 ссылок, не более 9, исходя из текста статьи в 10 страниц. (Если статья больше 10 страниц, количество ссылок может быть увеличено.)

Ссылки и список литературы — в конце. Только монографии, научные статьи. В ссылках и списке литературы не указывать учебники и газетные публикации.

Важно: оформление постраничных ссылок — см. ниже.

Ссылки и список литературы даются на русском и английском языках. Переводятся автором самостоятельно.

Законы, ГОСТы, инструкции, учебники, газетные публикации — только в постраничные сноски.

ВАЖНО. Если статья является продолжением другой статьи автора по той же проблематике, автор обязан указать об этом в самом начале работы с приведением выходных данных уже опубликованных статей, в том числе в каких журналах и сборниках они выходили, а также насколько представленная статья является оригинальной по сравнению с предыдущими статьями.

НАПРИМЕР. Статья посвящена проблеме, которую автор изучает на протяжении ряда лет, и по этой проблеме автором опубликованы статьи, которые вышли в следующих журналах.

Библиография

В библиографический список включается только использованная литература в узком смысле этого слова (книги, статьи и т.п.). Нормативные акты или их проекты, а также договоры, судебные решения, стенограммы и иные подобные материалы в библиографический список не включаются. Редакция оставляет за собой право на удаление этих материалов из списка литературы.

Рецензирование

Все статьи подлежат обязательному рецензированию. Устранение замечаний рецензента является личной ответственностью автора. Автор может обратиться к главному редактору с обоснованными доводами о несогласии с отрицательным мнением рецензента.

Вторая отрицательная рецензия автоматически ведет к выводу о невозможности публикации статьи в журнале.

*С пожеланиями творческих успехов и поиска научной истины,
почетный научный редактор журнала «Юридическое образование и наука»
Игорь Михайлович Мацкевич*